

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евгения
Горская

ВРАГОВ
НЕ ВЫБИРАЮТ

Татьяна Устинова рекомендует

Евгения Горская
Врагов не выбирают

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горская Е.

Врагов не выбирают / Е. Горская — «Эксмо», 2018 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-04-097759-8

Катя Базутина никак не могла разобраться в своих чувствах. Ей нравился собственный начальник, но Вадим был женат, а Катя не хотела разбивать чужую семью. Да и свой жених у девушки имелся. Так бы и тянулась эта неопределенность, если бы не случилось ЧП – в Катю с Вадимом стреляли прямо в центре Москвы, лишь по счастливой случайности никто не пострадал. После этого объявился Никита, бывший друг Вадима, которого Катин шеф когда-то предал. Вадим подозревал Никиту в организации покушения, но Катя сомневалась в его виновности. А потом за ней начали следить, и кто-то проник в ее квартиру...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097759-8

© Горская Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Евгения Горская	6
23 ноября, четверг	6
24 ноября, пятница	8
25 ноября, суббота	14
26 ноября, воскресенье	16
27 ноября, понедельник	20
28 ноября, вторник	34
29 ноября, среда	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгения Горская

Врагов не выбирают

© Горская Е., 2010

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежееотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?... Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а, напротив, одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь опять же. И – главное! – чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?...

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?...

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская – непревзойденный мастер интриги. Ей удастся придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляется с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В своих романах она водит за нос, отвлекает, пускает нас – читателей – по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь – и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива – здесь в самый раз всего: и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Татьяна Устинова

Евгения Горская Врагов не выбирают

23 ноября, четверг

Вадим Корышев думал о Кате. Ни к чему хорошему эти мысли привести не могли: у него была вполне благополучная семья, и он не собирался заводить молоденькую любовницу. Да и девчонка едва ли обрадуется, если он начнет оказывать ей знаки внимания.

Он думал о Кате, потому что не хотел думать о Никите Алфёрове.

Взять Екатерину Базутину на работу его попросил коллега из смежного ведомства. «Девочка старательная, – говорил он. – Пусть подучится». Корышев слабо представлял, чему может подучиться молодая аспирантка в министерстве. Разве что бумаги перекладывать. Девчонка была Корышеву даром не нужна, но отказывать знакомому он не стал, поскольку давно взял за правило людей ценить и не обижать. Неизвестно, кто и как может пригодиться в дальнейшем.

Аспирантка оказалась девочкой тихой и скромной, однако за прошедший год ухитрилась стать для Вадима поистине бесценной помощницей.

А в последнее время он стал ловить себя на том, что ждет встреч с Катей и волнуется при этом, как мальчишка.

Тихий двор, почти в самом центре, давно перегородили шлагбаумом. Вадим поставил машину на обычное место, у подъезда задержался, посмотрел на детскую площадку, ища глазами сына, но не нашел и открыл дверь.

Метнувшуюся справа тень он заметил с опозданием, но все-таки заметил: помогли годы занятий борьбой. Вадиму показалось, что разум отключился полностью, остались только привычные движения, которым когда-то учил тренер, знакомое напряжение мышц. Человека, горло которого Вадим сжал в удушающем захвате, он не разглядел – на лестничной площадке было темно. Зато хорошо разглядел нож, которым незнакомец пытался до него дотянуться.

Схватка оказалась короткой. Где-то наверху хлопнула дверь, зашумел лифт. Нападавший вывернулся, оттолкнул Вадима и бросился вон.

«Я мог пропустить удар, – отстраненно отметил Вадим. – Он запросто мог меня убить».

Испугаться в момент нападения он не успел, да и сейчас страха не чувствовал. Ужас накатил через секунду, когда Вадим осознал, что в подъезд мог войти его сын Пашка, а защитить мальчишку было бы некому.

Лифт остановился, вышла соседка и ласково ему улыбнулась.

– Добрый вечер, Вадик!

– Добрый вечер, – кивнул Вадим.

Внезапно он понял, что подняться по лестнице не сможет – не осталось сил. А потому посторонился, пропуская женщину, и тяжело оперся о стену. Немного постоял, дожидаясь, пока соседка выйдет из подъезда, и лишь тогда нажал на кнопку вызова лифта.

Это Алфёров, больше некому.

Других врагов у Вадима не было.

Геля давно «капала на мозги», требуя купить квартиру в каком-нибудь элитном доме, а он сопротивлялся, поскольку кирпичная пятиэтажка его вполне устраивала. Расположен дом отлично – у самого Бульварного кольца. И даже лифт есть, хотя и не очень-то он нужен, когда квартира на втором этаже! Вадим привык к этому дому и к своей квартире и ничего другого не

хотел. Он даже к соседке, которая по привычке зовет его Вадиком, привык. Мало кто теперь зовет его – успешного взрослого мужчину – Вадиком.

Вадим вышел из лифта и отпер дверь. На какое-то мгновение ему опять стало страшно: показалось, в квартире стоит могильная тишина и он сейчас обнаружит нечто ужасное.

– Вадим! – вышла в прихожую Геля.

Он поцеловал жену, отложив объятия «на потом» – он же с улицы, в куртке, а Геля только недавно избавилась от простуды.

– Пашка дома?

– Конечно, – удивилась жена. – Где же ему еще быть? Уже девятый час.

Заглянув в детскую, Вадим увидел сына – Пашка лежал на кушетке с книжкой.

– Привет, пап!

– Привет, – отозвался Вадим, проходя в комнату и присаживаясь рядом. – Как дела?

– Нормально.

– Отметки какие?

– Как обычно.

Вопрос дежурный и ненужный – учился Павел отлично.

– Ну а просто так? Что новенького?

– Ничего.

Видно было, что мальчишке не терпится вернуться к книге. Вадим глянул на обложку – сын читал «Приключения Незнайки». В сотый, наверное, раз. Вадим поднялся, потрепал Пашку по волосам и вышел из комнаты.

– Вадик, ужинать будешь? – крикнула из кухни Геля.

– Буду, – ответил Вадим. У него вдруг прорезался зверский аппетит.

Заговорить о важном он решил, только когда ужин был съеден. То есть это Вадим ел свой ужин – большой кусок мяса с гречкой, которую он страсть как не любил, но Геля считала панацеей от язвы желудка или от какой другой хвори, а жена просто сидела напротив и ласково на него смотрела.

– Геля, – помешивая чай, спросил он. – У нас в подъезде камера есть?

– Что? – не поняла Геля.

Жена хорошела с каждым годом. Тонкие черты лица, красивые густые локоны, точеная фигурка. Конечно, за девочку ее уже не примешь, но зрелая красота казалась безупречной.

– Камера видеонаблюдения у нас в подъезде есть?

– Ка-а-а-мера? – протянула Геля и насторожилась. – Вообще-то есть. Но, по-моему, она не работает. А почему ты спрашиваешь?

Тут Вадим и сам вспомнил: работающей камеры точно не было, он бы наверняка заметил огонек – он такие вещи отмечает машинально.

– Так просто, – заверил жену Вадим.

Наверное, он ведет себя неправильно. Наверное, нужно немедленно звонить в полицию.

Он бы так и сделал, если бы речь шла не о Никите Алфёрове.

24 ноября, пятница

Неудачная шутка Леси Магулкиной стала последней каплей, настроение у Кати испортилось окончательно. И так-то радоваться было особенно нечему – у Саши опять возникли свои планы на выходные, и ее ждали два пустых тоскливых дня.

– Совсем забыл, – позвонил утром Саша. – У Кольки завтра день рождения, он на дачу зовет. Хочешь, поедem вместе?

– Не хочу, – отказалась Катя.

Она несколько раз сопровождала бойфренда на посиделки со старым другом. Терпеливо и молча сидела за столом, каждый раз боясь невзначай скончаться от скуки. Друг Коля будто вовсе ее не замечал, хотя много говорил и громко смеялся. И Катя с трудом дожидалась окончания очередной встречи.

После Сашиного звонка захотелось плакать. Плакать она, конечно, не стала, но по дороге на работу все время убеждала себя, что вполне счастлива и Саша женится на ней, как только она ему на это намекнет. Конечно, женится! Он же очень хорошо к ней относится!

Просто обстоятельства сложились так, что им удобнее жить врозь. Саша много работает и снимает жилье совсем рядом со своим офисом. Добирается от дома до работы минут за десять. На самокате или на велосипеде. В зависимости от настроения. У него нет возможности тратить каждый день по полтора часа на дорогу, а именно столько ехать из Катиного района до его офиса. А Кате сложно оставаться у него, потому что в этом случае мучительно долго добираться до работы придется уже ей.

В ее жизни все очень хорошо, выходные они почти всегда проводят вместе. Ну, кроме завтра и послезавтра. И что с этим делать, совершенно непонятно.

Вадима Михайловича Коришева она заметила у самой проходной и пошла медленнее, чтобы не оказаться с ним в одной кабине лифта. Рядом с этим мужчиной ее бросало то в жар, то в холод, а то она замирала, как истукан, и вообще казалась самой себе полной дурой. И хорошо, если только себе, а не окружающим.

Встречи с начальником в лифте удалось избежать. Катя поднималась с какими-то командированными, шумными и неуловимым образом отличавшимися от москвичей.

Оказавшись в кабинете, она сразу же включила компьютер, и время до обеда пролетело незаметно.

– Привет, – заглянула в дверь Леся Магулкина. – Обедать пойдешь?

– Ой, уже обед! – удивилась Катя. – Не жди меня, я кое-что хочу закончить.

– Как хочешь, – усмехнулась Леся. – Иди попозже. Может, Коришева встретишь.

Леся не хотела ее обидеть, она просто пошутила. Коллега обладала острым языком, но злостью при этом не была и считалась Катиной подругой. Надо было ответить. Тактично, но решительно дать понять: все эти инсинуации не имеют под собой никаких оснований. Однако Катя промолчала. Только идти в столовую расхотелось начисто. Она вовсе не искала встреч с Коришевым. Наоборот, старалась начальника избегать.

Прогуляюсь, решила девушка. Заставила себя закончить сводную статистическую таблицу, надела куртку и отправилась навстречу холодному осеннему ветру. Но силы природы Катя явно недооценила – в какой-то момент порывистый ветер чуть было не швырнул ее прямо на стену здания. И в тот же миг она почувствовала, как кто-то крепко сжал ее локоть.

– Привет, – сказал Вадим Коришев.

– Здравствуйте, – смущенно пробормотала Катя.

Руку начальник отпустил, нахмурился и кивнул на ближайшее кафе:

– Зайдем?

Катя вздохнула. Хорошо, Леся их не видит. Впрочем, иногда ей казалось, что в радиусе километра вокруг офиса глаза и уши имеют и стены.

Стоять на ветру было холодно. И Коришев осторожно подтолкнул ее к дверям кафе. Но безо всяких намеков на то, что за границей сочли бы сексуальными домогательствами.

Катя взялась было за массивную деревянную ручку, но начальник ее опередил, открыл дверь и подождал, пока она войдет первой.

Летом они с Лесей часто сюда заходили: ели мороженое и сплетничали о сослуживцах. Сейчас мороженое было «не по погоде», а потому Катя заказала кофе и два бутерброда с форелью и зеленым салатом – вместо обеда.

– Мне то же самое, – равнодушно бросил Коришев официантке.

Неожиданно он начал себя вести как Сашин друг Коля. Словно перестав Катю замечать, барабанил пальцами по столу и сосредоточенно думал о чем-то своем.

– Я составила таблицу, – сказала Катя, лишь бы хоть что-то сказать.

– А-а, – протянул он. – Спасибо.

С некоторым удивлением начальник посмотрел на Катю. Не то насмешливо, не то грустно.

– Мерзкая погода... – промямлила еще сильнее смутившаяся девушка.

– Погодка не радует, – согласился он.

Станный разговор, очень странный. Нужно постараться, чтобы придумать что-то глупее этого разговора.

Больше Катя не пыталась вести светскую беседу. Выпила кофе, съела свои бутерброды. Коришев расплатился с официанткой и, выходя из кафе, снова не забыл открыть перед Катей дверь.

А дальше случилось... Впрочем, самой Кате дальнейшее запомнилось плохо. Кто-то сильно толкнул ее на грязный асфальт, и она даже испугаться толком не успела, просто подумала, как же ей возвращаться на работу в испачканных куртке и брюках, будто бомжиха какая. А про хлопки она вспомнила, только когда ее расспрашивала полиция. Вроде бы хлопки были.

К счастью, прохожие на инцидент тоже практически не обратили внимания. Толпы зевак не собралось. Только две пожилые дамы заахали около барахтающейся на асфальте Кати, а какой-то сознательный парень сразу бросился звонить в полицию.

Первым опомнился Коришев. Рывком поднял девушку и начал ощупывать, и вот это, при желании, уже вполне можно было считать сексуальными домогательствами. И все повторял, с испугом заглядывая ей в глаза:

– Кать, ты как? Ты как, Катя?

– Нормально, – буркнула Катя и отбросила его руки.

Не хватало еще обниматься с чужим мужиком на глазах у любопытной публики.

Она действительно совсем не испугалась. Страх пришел поздним вечером, когда она наконец приехала домой. Испугалась, потому как поняла: вовсе не ее хотели убить, в нее некому, а главное, незачем стрелять. Убить хотели ее начальника Вадима Михайловича Коришева.

Школа находилась близко от дома. Минутах в десяти, если идти пешком, но Геля всегда отвозила Павлика на машине. Никто не помнил, почему появилось такое правило, но правила Геля старалась соблюдать.

Взбежав на крыльцо школы, Павлик обернулся, помахал ей рукой. Геля помахала в ответ. Дождалась, когда сын исчезнет за массивной дверью, вздохнула и тронулась с места.

Возвращаться домой не хотелось, но до встречи со Славой оставалось еще почти два часа, а торчать одной в съемной квартире Геле не хотелось еще больше.

Квартиру Слава снял три года назад специально для их встреч. То есть для особых встреч. Просто так им ничто не мешало встречаться хоть каждый день, поскольку Славка был генеральным директором фирмы, которая стопроцентно принадлежала Ангелине.

Геля никогда себя не обманывала: ее никто не завлекал и не соблазнял, она сама сделала Вячеслава Ротнева своим любовником.

Приехала как-то в офис и увидела у входа в здание Ротнева с какой-то девицей. Девушка смеялась, заглядывая Ротневу в лицо, и он тоже смеялся. Смотреть на чужое веселье было неприятно. Когда-то она тоже заливисто хохотала вместе со своим бывшим женихом, но никогда не смеялась *так* рядом с Вадимом. Рядом с Вадимом она была идеальной женой и идеальной матерью. В ее жизни все было благополучно и правильно, но в тот момент Геля незнакомой девушке позавидовала. Сначала позавидовала, а потом совершила самую большую ошибку в своей жизни.

Тогда она подошла к парочке, но *ей* наемный директор даже не улыбнулся. Хмуро смотрел себе под ноги, будто видеть Ангелину ему до смерти не хотелось. Впрочем, возможно, так и было. Ангелина в делах фирмы не разбиралась, а знать хотела обо всем.

Фирму Геле передал Вадим, когда перешел на работу в министерство. Сначала хотел совсем ее продать, но Геле очень хотелось стать деловой женщиной. Она ни о чем мужа не просила, он сам угадал ее желание и радовался, что сумел доставить ей большое удовольствие. Он тогда часто стремился доставлять Геле удовольствие. Хотя, сказать по правде, ничего, кроме головной боли, фирма не приносила. Доходы крошечные, да и направление деятельности было слишком тесно связано с тем, чем занимался Вадим в министерстве, а это могло вызвать интерес соответствующих органов. Геля в делах фирмы не понимала ничего, но генеральный директор Слава Ротнев и консультировался всегда с Вадимом, а не с ней. Никогда не заключал новых договоров, не показав их Вадиму.

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась Геля.

– Здравствуйте, – ответил сразу посерьезневший Слава, а девица виновато улыбнулась и, пробормотав что-то невразумительное, заспешила в сторону метро.

– Жена? – усмехнулась Геля, глядя девушке вслед. – Или любовница?

– Жена, – кивнул директор.

Ангелина быстро на него посмотрела. Он опустил глаза, снова на нее взглянул, снова опустил, а потом смотрел не отрываясь.

Тогда они больше ничего не сказали друг другу.

И без слов все было ясно.

Она предложила ему себя, и он согласился.

Геля в тот момент казалась самой себе веселой ведьмой, и в этом было нечто манящее и опьяняющее.

Она предложила, потому что Корышев уходил рано и приходил поздно, в выходные они возились с ребенком, а лучшие годы уходили в никуда.

А еще потому, что почувствовала уверенную спокойную радость Славкиной жены и позавидовала этой радости. Сильно позавидовала.

Почему согласился Слава, Ангелина не понимала до сих пор.

Въехать во двор мешала незнакомая «Ауди». Геля негромко посигналила, автомобиль сдал назад.

Ангелина оставила машину у подъезда, поднялась в квартиру. Посуду ни муж, ни сын убрать за собой не удосужились. Она сунула тарелки и чашки в посудомойку, нажала на кнопку, послушала, как зашумела вода.

Больше делать было решительно нечего. Геля внимательно посмотрела на пол, заметила под столом комочек пыли, подняла, бросила в мусорное ведро. Прикинула, не вызвать ли на

сегодня уборщицу из фирмы, куда обычно обращалась за такими услугами, и решила подождать до понедельника. Сегодня лучше подольше побыть со Славой.

Почувствовать на себе его руки захотелось сейчас же, немедленно. Ангелина обняла себя за плечи, замерла. Она часто мучилась от стыда и часто обещала себе прекратить эту связь немедленно, но время шло, а любовник оставался любовником.

В последнее время она начала ловить себя на том, что дико его ревнует. А сначала казалось, будто Слава ничего для нее не значит.

В первый раз было даже противно, и Геля пообещала себе, что первый раз окажется и последним. Но... Потом ей опять захотелось побыть ведьмой.

Вадим ничего не замечал. Но он вообще мало ею интересовался. Равнодушно целовал, уходя и возвращаясь, продолжал все так же смотреть в планшет за едой, а разговоры у них обычно крутились вокруг Павлика. Вадиму было неинтересно слушать истории про ее подружек, а Гелю мало интересовало происходящее у него на работе.

А ей так хотелось, чтобы Вадим вспомнил, какая красавица у него жена. Чтобы понимал – Геле дефицит мужского внимания не грозит и ему стоит ценить ее верность. Хотелось, чтобы он слегка ее ревновал, а она бы смеялась над его ревностью.

Однако разводиться Ангелина не хотела. Ни при каких обстоятельствах.

Время тянулось медленно. Она включила тихую музыку, легла, разглядывая мутное небо за окном. Наконец не выдержала и отправилась на свидание раньше назначенного часа.

Оказалось, Слава приехал еще раньше. Застать его в квартире Геля никак не ожидала, и в первый момент, когда поняла, что замки отперты, озадаченно замерла.

– Славик! – толкнула она дверь и вошла в темную прихожую. Вот чертова погода, даже днем в квартире темно!

– Привет, – Слава вышел из комнаты, прижал ее к себе, потерся щекой.

– Ты почему сидишь в темноте? – Геля сняла пальто, повесила в шкаф.

– Так. Тебя ждал.

– Сегодня можно побыть подольше, – шепнула она, утыкаясь ему в плечо. – Павлика мама заберет.

– Не получится, – Слава легонько отстранился. – Я на два часа назначил совещание.

– Перенеси, – попросила Геля. – Позвони и перенеси.

Уходить отсюда всего через два часа ей никак не хотелось. Она уже чувствовала жар, поднимающийся откуда-то снизу, от живота, и хотела думать только о том, как этот жар накроет сейчас их обоих и они останутся одни в бесконечной чужой вселенной.

– Не могу, – шепнул Славик. – Партнеры из «Сименса» должны приехать.

Хотя и он испытывал схожие ощущения, Геля это чувствовала, потому что губы его сделались горячими, а руки жесткими. Она еле слышно застонала.

Потом, когда Слава торопливо одевался, ее потянуло в сон. Тихо хлопнула дверь, Геля повернулась набок, закрыла глаза и незаметно задремала. Проснулась она в почти полной темноте. Со страхом посмотрела на часы, лихорадочно соображая, чего бы такого соврать Вадиму, но шел только пятый час, и она с облегчением откинулась на подушки. Врать не придется, обстоятельства складываются в ее пользу.

Вадим вышел из отделения полиции около восьми часов вечера. Можно было уйти и раньше, сославшись на шок от пережитого, но ему хотелось разом покончить со всеми формальностями. От расспросов полицейских все равно никуда не денешься.

Он огляделся. Прохожих на улицах почти не было – погода для прогулок казалась не слишком подходящей, а расширенные по воле мэра, но неизвестно, за какой надобностью, тротуары сейчас казались насмешкой.

Дул порывистый холодный ветер. Наклонив голову, Вадим побрел к ближайшей станции метро. Несколько раз он оглянулся, хотя и понимал, что Катю не увидит. Подумал было: «Надо перед ней извиниться», – но тут же понял, насколько это нелепо. «Извините, это из-за меня вас случайно чуть не убили». Как-то так?

Он не представляет, кто мог в него стрелять, убеждал Вадим парней из полиции. И действительно не представлял. Сейчас он уже сам не понимал, почему связал вчерашнее нападение с Никитой Алфёровым.

Когда-то давно между ними произошел конфликт. Вадим прикинул – прошло десять лет, не меньше, все уже в прошлом.

Про вчерашнее нападение он рассказывать не стал. Во-первых, просто не видел связи между этими двумя... происшествиями, а во-вторых, пришлось бы объяснять, почему не вызвал вчера полицию. Черт его знает, почему он не вызвал полицию!

Вообще-то, если бы не вчерашнее, целью неизвестного убийцы стоило считать его сотрудницу Катю. Или кого-то еще, не имеющего к ним отношения. Хотя никого, кроме них, у входа в кафе не было.

У входа в метро толпился народ. Вадим обошел компанию молодежи, весело щебечущей на холодном ветру, спустился на платформу. Поезд подошел быстро, он вошел в полупустой вагон и, глядя в собственное отражение в темном окне, задумался.

Два события, вчерашнее и сегодняшнее, просились в одну цепочку, но могли оказаться и просто случайным совпадением. Невероятным случайным совпадением.

«Я разберусь», – пообещал себе Вадим. Разбираться придется, помирать в сорок лет он не собирался.

В метро он отогрелся, но, когда вышел на своей станции, сила ветра увеличилась многократно. Будто ветер специально поджидал Вадима, копя эту силу и желая за что-то неведомое отомстить ему.

Сегодня свет в подъезде горел. Вадим оглядел закуток справа от входа, нашел глазами камеру видеонаблюдения. Огонек на камере не горел, но, даже если бы камера работала, зафиксировать прячущегося в закутке человека не удалось, поскольку объектив был направлен на площадку перед лифтом.

Он поднялся на несколько ступенек, посмотрел на потолок. Лампочка была ввернута в патрон безо всякого плафона. Раньше Вадим не обращал внимания на плафоны в подъезде, но они наверняка были. Жильцы в их доме сплошь люди приличные, да и не из самых бедных.

Получалось, поджидавший его вчера незнакомец с ножом заранее побеспокоился о том, чтобы на первом этаже не было света. Но могло оказаться и так, что светильник разбился при каких-то других обстоятельствах, а нападавший – просто случайный грабитель, удачно зашедший в темный подъезд. То есть неудачно, раз уж Вадим не дал себя ограбить.

Во всяком случае, именно это событие помогло ему спасти Катю. Он вовремя заметил тормозящую грязную машину, толкнул девушку и упал на нее сверху. Это произошло само собой. Вроде про незнакомца с ножом он тогда совсем не думал, но, как оказалось, инстинкт выживания был запущен вчерашним нападением.

Вадим начал подниматься по лестнице, на ходу доставая ключи из кармана куртки.

– Вадик! – ласково улыбнулась Геля, выскочив из кухни.

Жена радовалась ему и словно светилась изнутри, а он почему-то почувствовал себя виноватым. Наверное, потому что очень хотел побыть один.

– Привет, – сказал Вадим, вешая куртку.

– Ужинать будешь? – Геля прильнула к нему.

Он чмокнул жену в лоб и легко отстранил.

– Слушай, тут такое дело... – он сел на пуфик, скинул ботинки, сунул ноги в тапочки. – Паша дома?

Зря он подумал на Никиту. Чушь это! С ножом и пистолетом Алфёрова Вадим представить не мог. Не потому, что бывший друг был большим противником насилия. Нет, конечно. Они все офицеры запаса, военная кафедра в вузе была, и держать оружие в руках им приходилось.

Просто не Никитино это – нападать вот так, из-за угла.

Впрочем, за десять лет Алфёров мог измениться.

– Павлик сегодня у мамы, – нахмурилась Геля. – Я же тебе говорила. Мама забрала его на эти выходные.

Жена расстраивалась, когда он пропускал мимо ушей ее слова.

– А, да... вспомнил... – рассеянно протянул Вадим.

Теща забирала внука на выходные примерно раз в месяц. Раньше для них с Гелей такие выходные превращались в праздник. А теперь стали самым скучным временем.

– Так будешь ужинать?

– Геля, в меня сегодня стреляли. Думаю, менты захотят с тобой поговорить...

О Кате он не упомянул, а про все остальное рассказал. И о вчерашнем происшествии в подъезде тоже смолчал.

– Вадик, – Геля побледнела, слушая его недолгий сбивчивый рассказ. – Ты уверен, что стреляли именно в тебя? Ты не мог оказаться в том месте просто случайно?...

– Мог, – кивнул Вадим. – Думаю, так и было.

– Вадик...

Вадим прижал Гелю к себе, порадовавшись про себя тому, как сильно она его любит, и заверил:

– Все нормально. Это какое-то... недоразумение.

– Во сколько это было? – зачем-то спросила жена.

– В два, – сказал Вадим. – Ровно в два.

Ужинать ему не хотелось, но он покорно сел за стол. Впрочем, после того, как он допил оставшуюся с незапамятных времен водку, аппетит появился.

25 ноября, суббота

Трели, издаваемые мобильным телефоном, Катя услышала, только когда выключила пылесос. Пылесосить квартиру необходимости не было, пол был чистым, но чем-то же надо себя занять.

– Привет! – схватила Катя трубку.

– Ты чего запыхалась? – с подозрением спросила Леся.

– Квартиру пылесошу.

– А... Слушай, вы куда вчера с Корышевым пропали? Мне-то все равно, а народ заметил. До него начальство пыталось дозвониться, а телефон не отвечал. И ты тоже... Комп не выключила. Хоть бы предупредила. Я же беспокоюсь! Весь вечер тебе звонила!

Проверить телефон Катя догадалась только утром. Оказалось, после визита в отделение полиции она забыла выйти из бесшумного режима. Как результат – куча неприятых звонков.

– У меня с Корышевым ничего нет, никогда не было и никогда не будет! – прошипела Катя. – И слушать твои сплетни я больше не буду!

– Ну не злись, – пошла на попятный Леся. – Я ничего такого не хотела. Где ты была?

– Подожди, – Катя поудобнее устроилась на диване. – Сейчас расскажу. Только ты сядь, а то упадешь. И вот что... Еще один намек, и я...

Что она сделает с подругой, Катя не представляла, но угроза подействовала.

– Да ладно тебе! Я же шучу!

– Я вчера обедать не пошла. Захотелось пройтись, и я вышла на улицу. И как назло, Корышева все-таки встретила! – Катя сделала паузу, но Леся благоразумно промолчала. – В него стреляли!

– Как это? – не поняла подруга.

– В него стреляли из машины. Около кафе, куда мы с тобой летом ходили мороженое есть.

– Попали?! – с интересом спросила Леся.

– Нет. Не попали и скрылись.

Леся задумалась, переваривая информацию.

– А потом, сама понимаешь... Я весь вечер в полиции проторчала.

– Ничего себе! А за что его?...

– Понятия не имею!

– Слушай! Может, не в него целились? Там же всегда народу полно.

– На этот раз поблизости никого не было. Леся, стреляли в него. И полиция так же считает. Они этого прямо не сказали, но я поняла. Только ты никому не говори, ясно?

– Да ясно, ясно! – несмотря на всю свою язвительность, сплетницей Леся никогда не была. И тут же спросила: – С работой ведь это никак не может быть связано?

– Не может, – подтвердила Катя.

Корышев не контролировал денежные потоки. Не принимал решений по тендерам. Начальство его мнение ценило, ему даже министр однажды большую премию выписал, но за это не убивают.

– Кать, ты только не злись...

– Что? – насторожилась Катя.

– Может... это Саша?

– Ты спятила?! – задохнулась от возмущения Катя. – Это же бред полнейший! С какой стати Сашке стрелять в моего начальника? Которому до меня дела нет, а мне до него! Это только тебе такая чушь могла в голову прийти! А мой... а Саша нормальный!

Саша нормальный и очень хороший. Жаль только, слово «друг» Кате в последнее время трудно выговорить.

– Ну не злись! Это я так... Версии перебираю.

Катя тоже со вчерашнего дня пыталась перебирать версии, но из этого ничего не вышло. Версий не было. Ни одной.

Подруга повздохала и простилась. Катя еще посидела на диване и отправилась убирать пылесос в шкаф.

Катю и Корушева абсолютно ничего не связывает, кроме работы. Абсолютно ничего! Корушев не приглашал ее провести вместе вечер, не пытался проводить до дома и даже не затевал разговоров, не относящихся к работе. Просто однажды она заметила, как он на нее смотрит. Необычно, не как все. А скорее всего, дело было не в нем, а в ней. Это же ей становилось не по себе рядом с начальником. Но Катя со своим неясным томлением старалась бороться. И даже успешно, между прочим. Никто, кроме Леси, странностей в ее поведении не заметил.

Телефон опять зазвонил. Увидев номер абонента, Катя почувствовала, как холодеют руки.

– Здравствуйте, Вадим Михайлович, – сказала она.

– Привет! – нарочито весело ответил Корушев и сразу же перешел к извинениям: – Ты извини, Катя. Мне жаль, что я втянул тебя...

– Ничего страшного, – перебила начальника Катя, хотя в детстве ее учили никогда никого не перебивать. – Вы не по своей воле это сделали...

– Ты не очень испугалась?

– Не очень, – заверила Катя.

В трубке слышался шум. Наверное, начальник шел по улице. Не хочет звонить молодой сотруднице при жене. Ну и правильно! Их с Катей ничто не связывает, но беспокоить понапрасну жену незачем.

– Катя, я обязательно разберусь с этим... происшествием.

– Не сомневаюсь.

Корушев умный мужчина. И Катя действительно не сомневалась – он разберется.

– Ты правда не испугалась?

– Правда, – вздохнула Катя.

И неожиданно поняла, что ей тоже очень хочется разобраться со вчерашним происшествием. Конечно, Саша в Корушева не стрелял. Это она знает точно. Саша не будет стрелять ни в Катю, если она решит его бросить, ни в ее нового возлюбленного. Наоборот, пожелает ей счастья и успехов, немного погрустит, а потом всегда будет поздравлять ее с Новым годом и днем рождения. Такие вот они друзья!

Впрочем, это она просто злится на Сашу. Во-первых, он проводит выходные не с ней, а во-вторых, так и не удосужился предложить ей руку и сердце.

26 ноября, воскресенье

Геля вела себя безукоризненно. Не мучила его вопросами относительно случившегося и старательно делала вид, будто ничего особенного не произошло, но Вадим чувствовал себя виноватым настолько, что хотелось сбежать из дома. Было стыдно: у него прекрасная заботливая жена, а он ее не ценит.

– Как ты думаешь?... – наконец осторожно начала Геля.

– Я ничего не думаю! – резко ответил Вадим. – Нет у меня врагов, которым нужно меня убивать! И ты это знаешь.

Тут ему захотелось рассказать про Катю. Так сказать, изменить показания: стреляли, мол, в сотрудницу, а он по воле злого рока просто оказался рядом. Но было уже поздно. Пришлось бы объяснять, почему не сказал раньше.

А почему не сказал раньше, он и сам не знал.

То есть знал. Потому что в последнее время думал о Кате постоянно.

Впервые он выделил ее из массы окружавших его женщин, когда они готовили справку для министра. Задача была сложной, почти неразрешимой – нужно было показать, что в отрасли все обстоит если не отлично, то, по крайней мере, не катастрофически плохо. Они справились. Выбрали удачные кварталы для сравнения, нашли удачные показатели, не упоминая о неудачных, и бумагу в итоге подготовили неплохую.

Катя положила ему на стол последний вариант документа и еле заметно улыбнулась. И он тоже улыбнулся. И неожиданно почувствовал, что эта чужая, почти незнакомая женщина понимает его без слов.

Это было забавно и почему-то приятно. Но тогда он сразу же о Кате забыл. Не то до следующей справки, не то до какой-то еще срочной бумаги.

Все происходило постепенно, а потом Коришев неожиданно поймал себя на том, что постоянно думает о Екатерине Базутиной. Случилось это так: идя по коридору к своему кабинету, Вадим заметил Катю – девушка стояла у окна и разговаривала по мобильному телефону. Поворачивалась к окну, делала пару шагов в сторону, снова отворачивалась. Он хотел поздороваться, кивнул ей, но Катя начальника не заметила. Она говорила увлеченно и улыбалась, и снова поворачивалась к окну. Вадим отпер кабинет, задержался в дверях, но Катя в это время смотрела в окно.

Вадим тогда бросил бумаги на стол, усевшись в кресло, поводит мышкой, пробуждая компьютер, а потом не утерпел и снова выглянул в коридор. Базутиной у окна уже не было. Он даже не сразу понял, отчего в душе у него сделалось как-то пусто.

Все это было глупо и ненужно. Вадим знал, что семью никогда не бросит. Он очень любил Пашку и Гелю, и семья была важной частью его самого.

А заводить молодую любовницу казалось подлостью по отношению ко всем. Да Катя и не согласилась бы.

– Вадик! – Геля подошла сзади и обняла его за плечи. Вадим сидел в кресле и вертел в руках планшет. – Выходные проходят... Жалко.

– Жалко, – поддакнул он, поймал Гелину руку, поцеловал.

– Позвонить маме, чтобы привезла Павлика?

– Я сам привезу, – решил Вадим, поднимаясь.

Нужно осторожно велеть жене никуда не выпускать сына одного. У Вадима внезапно перехватило дыхание от страха: если с сыном что-то случится... Пока он не разберется с этими... происшествиями, с Павлом постоянно должен кто-то быть.

– Сам? – озадаченно спросила Геля. Ей не хотелось отпускать Вадима, они ведь и так мало видятся.

Впрочем, все нормальные работающие люди мало видятся. Только в выходные да по вечерам.

– Я быстро, – успокоил жену Вадим.

Как ни странно, машин на улицах оказалось много. Прежде он не помнил воскресных пробок, разве что перед самым Новым годом, когда публика массово покупает подарки.

Теща попыталась усадить его обедать, но Вадим отговорился делами. Перекинулся с ней парой слов, неодобрительно наблюдая, как Гелина мать одевает внука. Мальчик уже достаточно большой и давно обязан одеваться сам. Впрочем, излишнюю заботу Вадим теще прощал. Она любила Пашу, а Вадим любил ее. Во всяком случае, относился к ней с большой симпатией. Тетка она была мудрая и веселая, и он искренне недоумевал, как Геля ухитряется почти постоянно с ней ссориться.

Наконец теща застегнула последнюю пуговицу на курточке внука, Вадим взял мальчика за руку, попрощался и вышел на лестничную площадку.

– Папа! – Паша недовольно выдернул руку, желая самостоятельно нажать на кнопку вызова лифта. Совсем недавно Вадиму приходилось поднимать сына, чтобы он мог дотянуться до кнопки, и вот он уже вырос и справляется сам.

– Паша! – решил Вадим, усадив сына в машину. – Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

– О чем? – без любопытства посмотрел на него сын.

– У меня сейчас небольшие неприятности, – Вадим положил руки на руль, а потом зачем-то по рулю постучал.

– У нас теперь не будет денег, да?

– Нет. Деньги у нас будут, – через силу улыбнулся Вадим. – Просто... Некоторое время тебе придется не выходить на улицу одному.

Геля уже пару лет отпускала Пашу гулять во двор одного или с соседскими детьми. Жена старалась растить парня смелым и самостоятельным. Вадим к этому спокойно относился, даже приветствовал. В конце концов, над ним в детстве тоже никто не трясся, и ничего.

– Тебе нельзя пока выходить из дома без взрослых.

– Меня похитить могут, да?

Сын смотрел серьезно, по-взрослому. Вадим потрепал его по голове.

– Не думаю. Но в таких делах лучше перестраховаться. Просто никуда не ходи один, пока я не разберусь со своими неприятностями.

– Папа! – на личике сына появилось незнакомое выражение. Он похож на меня, почему-то с удивлением заметил Вадим. Сын сжался в своем кресле, сделавшись удивительно похожим на маленького Вадима с фотографий, которые родители бережно хранили в многочисленных альбомах. – А тебя не убьют?

– Нет! – быстро ответил Вадим. – Глупости! Не придумывай!

Наверное, надо было сказать как-то по-другому, но как, Вадим сразу и не сообразил.

– У взрослых случаются неприятности – это обычное дело. От тебя сейчас требуется только никуда не ходить одному. Никуда, Паша. Кто бы тебя ни позвал, не выходи один из дома. Это ненадолго. Обещаешь?

Мальчик старательно закивал. Вадим повернул ключ в замке зажигания.

– И вот еще... Давай маму пугать не будем – этот разговор останется между нами.

Паша опять покивал. Вадиму очень хотелось обнять сына, но он уже тронулся с места.

Если вчерашний день Катя смогла хоть как-то занять, то в воскресенье сделалось совсем тоскливо.

– Приезжай к нам, – предложила мама, которая неведомым образом всегда угадывала Катино настроение.

«Навестить родителей лучше, чем тосковать дома», – подумала Катя. Быстро оделась, вышла на улицу и направилась к остановке. Родители жили недалеко – две станции по той же ветке, и в хорошую погоду Катя вообще ходила к ним пешком. Но сегодня погода не располагала к прогулкам, было сыро и промозгло, шел мелкий еле заметный дождь, и если к вечеру подморозит, тротуар превратится в каток. Поэтому Катя решила дожидаться троллейбуса.

– Ты с Севой давно разговаривала? – едва открыв дверь, спросила мама. – Уже несколько дней не могу ему дозвониться. Я очень беспокоюсь.

– Ну и зря, – вышел из комнаты папа, чмокнул Катю в лоб. – Сева взрослый дядька, и беспокоиться о нем не надо.

– Костя! – возмутилась мама. – Как же так? У мальчика три дня не отвечает телефон!

– Он не мальчик!

– Он просто не отвечает на звонки или отключил телефон? – вмешалась в спор Катя.

Родители всегда спорили, но при этом очень любили и уважали друг друга.

– Телефон отключен, – доложила мама.

– Забыл зарядить, – пожал плечами Катя. – Жди неделю. Неделя пройдет, тогда начнешь волноваться.

Мама вздохнула, а Катя ей посочувствовала: Севины родители – мамина сестра Наташа с мужем дядей Фёдором, несколько дней назад уехали отдыхать. Их сын Сева клятвенно обещал тетке, то есть Катиной маме, звонить раз в неделю, но, как видно, сдержать обещание не спешил.

– Катюша, пойдем завтракать, – жалобно попросил папа. – Я сейчас от голода помру.

– Не помрешь! – отрезала мама.

Готовить мама не любила, и кулинаркой была никакой. Чаще всего она покупала полуфабрикаты – мороженые котлеты, пельмени и прочую ерунду. Но ерунда эта, побывав в маминих руках, почему-то всегда оказывалась очень вкусной. Вот и сейчас Катя с удовольствием съела две румяные, с поджаристой корочкой котлеты с картошкой, а потом с таким же удовольствием выпила чаю с пирожными.

– В моего начальника в пятницу стреляли на улице, – наевшись, поделилась новостями Катя. – Только не попали. С ним все в порядке.

– Ничего себе! – присвистнул папа.

– Костя! – возмутилась мама отсутствием сочувствия к чужой беде.

– В него стреляли из проезжающей машины.

– Вернулись лихие 90-е, – констатировала мама.

– Они никуда не уходили, – проворчал папа.

– Костя!

Сидеть с родителями было хорошо. Катя боялась, что мама спросит про Сашу и придется объяснять, почему он поехал к другу на дачу без нее. Но мама не спросила – она была тактичной, хотя и дергала постоянно папу.

Когда Катя вышла от родителей, уже стемнело. Слава богу, не похолодало, а асфальт успел просохнуть после утренней мороси. Катя спустилась в метро, но поехала не домой, а к двоюродному брату Севе. Наверное, склонность к беспокойству без причины у нее наследственная, передалась от мамы.

Квартиру Всеволод снимал. Катя была в гостях у брата лишь однажды, когда он только въехал в эту квартиру. Катя тогда вызвалась помочь с уборкой и несколько часов мыла окна, драила полы и отчищала сантехнику.

– Да кончай ты! – пытался урезонить ее лежащий на стареньком хозяйском диване Сева. – Все нормально. Меня устраивает.

Катя настаивала, чтобы брат этот диван выбросил и купил новый. Сева обещал, но Катя не знала, выполнил он обещание или нет. Закрутилась и забыла спросить.

Идя от метро к панельной девятиэтажке, она дважды набирала номер брата, но электронный голос сообщал, что аппарат находится вне зоны действия сети, и предлагал оставить сообщение на автоответчике.

Сообщения Катя не оставила. Постояла у подъезда, пытаясь вспомнить цифры кодового замка. Не вспомнила, но ей повезло – из подъезда вышла старушка с маленькой собачкой на руках, и Катя юркнула внутрь.

На третий этаж она поднялась пешком и долго нажимала кнопку звонка. Странно. На улице она не зябла, а сейчас, стоя у запертой двери, почувствовала, что совершенно замерзла. Даже пальцы заоченели, как в тридцатиградусный мороз.

Из соседней квартиры вышел хмурый дядька. Не обратив на Катю никакого внимания, вызвал лифт и уехал.

Постояв еще немного, Катя спустилась вниз и поехала домой, стараясь отогнать нахлынувшую тревогу.

Света в своих окнах она не заметила, и только поворачивая ключ в замке, поняла, что вернулся Саша.

– Катька! – возлюбленный вышел в прихожую и обнял ее, не давая раздеться. – Катюха! Я так соскучился!

Катя поцеловала его в нос и, высвободившись из объятий, сняла куртку.

– У Севы телефон не отвечает.

– Я так соскучился, – Саше не было никакого дела до Катиного брата. Он снова обнял девушку, но тут зазвонил его телефон.

Катя посторонилась, пропуская парня к вешалке. Саша вытащил из кармана куртки телефон и прошел на кухню.

– Привет! Извини, не смог... Не смог вырваться, не обижайся... Подарок за мной... На неделе встретимся. Пока!

Сашины реплики она слышала очень хорошо, а когда следом за ним вошла в кухню, то успела заметить на дисплее знакомые номер телефона и имя абонента. Это был тот самый Николай, на даче которого ее молодой человек якобы провел выходные. Катя много раз видела, как он отвечал на вызов друга или сам ему звонил.

– Я соскучился... – прошептал Саша.

Катя не спросила, где же в таком случае он был. Не потому, что они пока еще не женаты и она не вправе требовать отчета. Просто спрашивать было противно.

27 ноября, понедельник

Вадим отвез сына в школу сам. Утром, когда Геля будила Пашу, нахлынула такая тревога, справиться с которой показалось невозможным. Он и не пытался.

– Не одевайся, – сказал он жене. – Сегодня я Пашу отвезу.

Жена подняла на него удивленные глаза. Вадим любил приезжать на работу рано и злился, когда что-то его задерживало. Геля тут же отвернулась, но он понял: ей очень не понравилась его затея – жена считала его паникером.

Все-таки Геля умница! Ненужных вопросов при ребенке не задала, заставила Пашку доесть творожок и, как обычно, торопила, требуя пошевеливаться быстрее. Творог сын не любил, и Вадим хорошо мальчика понимал – сам его терпеть не мог, но с женой не спорил. Геля говорила что-то про необходимый организму кальций, и Вадим молча соглашался.

– Ничего не забыл? – спросил он у сына, когда тот надевал ранец.

– Не забыл.

Взял мальчишку за руку, но тут же отпустил – не хотел, чтобы ребенок почувствовал, как Вадиму за него страшно. Но справиться со страхом не получалось, и в лифте он придерживал сына за плечо.

На улице шел дождь со снегом, от острой белой крупы хотелось зажмурить глаза.

– А в Южном полушарии сейчас весна, – не глядя на Вадима, заметил сын.

– Угу, – подтвердил Вадим и мечтательно предложил: – А давай в новогодние каникулы поедem в Южное полушарие. Там как раз лето будет. Хочешь?

– Хочу, – посмотрел на него Паша, быстро улыбнулся и уточнил: – С мамой?

– Конечно, с мамой, – кивнул Вадим. – Куда же мы без мамы!

Всю дорогу до школы они перебирали страны, в которые могли бы отправиться. И Вадим с удивлением понял, что семилетний сын знает географию не хуже его самого. Впрочем, знатоком географии он никогда и не был.

– Паша... – обратился к сыну Вадим, притормаживая у ворот школы.

– Я все помню, папа! – успокоил его мальчик.

Вадим дождался, когда за сыном закроется дверь, тронул машину и заставил себя переключиться на служебные дела.

Никаких срочных дел в этот день у Вадима не было. Оказавшись в своем кабинете, он просмотрел принесенные секретаршей бумаги, открыл электронную почту, ответил на несколько писем.

А потом достал старую бумажную записную книжку, которую предусмотрительно захватил из дома, и начал выискивать номера телефонов, обладатели которых могли вывести его на Никиту Алфёрова.

Телефона самого Никиты в книжке не было. Раньше Вадим помнил его номер наизусть, а сейчас попытался воскресить в памяти цифры и не смог. Да и если бы вспомнил, смысла в этом не было никакого. Десять лет назад Никита уехал в Штаты и едва ли все эти годы сохранял за собой российский билайновский номер.

Десять лет назад Вадима и Никиту развела жизнь. Время от времени они перезванивались и даже иногда встречались, но с каждым годом все реже и реже. Вадим тогда встретил Гелю, все время проводил с ней, собирался жениться. А Никита не мыслил своей жизни без Нади, которая умирала. Никита об этом знал, но отказывался верить.

По-настоящему они дружили давно, в институте. Небольшая компания: Вадим, Никита с Надей да еще несколько парней и девчонок. На самом деле, это Надя ходила за Никитой хвостиком, ловя каждое его слово. Но почему-то казалось наоборот, будто Никита за ней бежит и он смотрит ей в рот. Вадим тогда не представлял их по отдельности.

В дверь кабинета постучали. Он отложил записную книжку, поморщился. Вдруг это Катя Базутина, а ему сейчас вовсе не улыбается обсуждать недавний инцидент со стрельбой. Оказалось, секретарша принесла бумаги. Вадим перекинулся с ней парой слов и понял, что все-таки он ждал Катю и увидеть девушку ему очень хочется.

Секретарша вышла. Он снова открыл старую записную книжку, немного подумал и, достав телефон, набрал нужный номер:

– Привет! Это Вадим Корышев. Помнишь такого?

Вадим улыбался: пусть не сразу, но все же он узнал голос собеседницы.

В первый момент женщина удивилась, но быстро вспомнила Вадима, засмеялась и заахала. Когда-то она была лучшей Надиной подругой. Во всяком случае, Вадиму так казалось. Потратив несколько минут на соблюдение приличий, он перешел к главному:

– Ты не знаешь телефона Никиты Алфёрова?

– Нет, – услышал он. – Он же за границу уехал. Давно уже. А помнишь...

Пришлось поддержать беседу о студенческих проказах и шалостях, прежде чем набрать следующий номер.

Геля не могла не нервничать, хоть и старалась не поддаваться тревоге. Понимала, что в перестрелку на улице муж попал случайно, – не то у него положение в обществе, чтобы на него кто-то охотился, но все равно было беспокойно.

Лучше бы сама отвезла Павлика в школу. Все-таки занятие, отвлекает от мрачных мыслей.

Геля, прикинув, как скоро Слава доберется до работы, дождалась десяти часов и набрала его номер. Раньше звонить не имело смысла – Слава, будучи очень аккуратным водителем, не любил, чтобы кто-то или что-то отвлекало его, и на звонки, находясь за рулем, не отвечал.

– Приезжай немедленно! – велела Геля. – Через час.

Куда приезжать, уточнять не имело смысла – речь всегда шла об «их» квартире. За час она как раз успеет добраться до любовного гнездышка.

Ей хотелось немедленно с кем-то поговорить. Перестать сдерживаться, не притворяться спокойной и уравновешенной, а выплеснуть накопившиеся эмоции.

– Я не смогу, – неожиданно отказался Слава. – У меня сегодня напряженный день.

– Брось все дела! – с трудом сдерживаясь, приказала Ангелина.

Она редко кому-то приказывала. Пожалуй, даже никогда. А Славе не только не приказывала, но и просила его о чем-то редко. Но сейчас его отказ показался Геле практически предательством. Три года назад он вряд ли стал бы так себя вести. Видно, сама виновата, коль чувствует любовник ее зависимость.

– Не могу!

– Через час! – тихо и твердо повторила Геля.

– Ты хочешь сорвать сделку с «Сименсом»? Контроллеры нам больше ни к чему? – заметно нервничая, зашипел Слава. – Это запросто. Сейчас все брошу и к тебе поеду!

– Славик, у меня неприятности, – Геля почувствовала, что сейчас заплачет.

Она не помнила, когда плакала в последний раз, но в настоящий момент чувствовала себя несчастной, одинокой и брошенной. Ни муж, ни любовник ее не понимали и не хотели утешить.

– Что случилось? – уже мягче спросил Слава.

– В пятницу Корышева пытались убить...

Геля путано повторила услышанную от мужа историю.

– Слава, я боюсь!

– Черт возьми! – любовник заговорил почти шепотом. – Нам нельзя сейчас встречаться!

Ты что?! Не понимаешь?

– Почему? – тоже прошептала непослушными губами Геля.

– О господи! Не будь душой! Во сколько все это случилось? В два? Ладно, я в это время был в офисе...

– Слава, что ты несешь? – Геле удалось справиться с собой.

– Ты в самом деле дура? Ты сейчас первая на подозрении! И я тоже...

«Господи, какая дикость!» – успела подумать Геля, но потом поняла, что любовник абсолютно прав. Если полиция узнает про их связь, все может обернуться наихудшим образом. Она действительно может попасть под подозрение.

Про Вадима думать было еще страшнее, чем про полицию. Вадим не простит. А если и простит, она перестанет быть для него ангелом, и это равносильно полному краху всей ее жизни.

До боли закусив губу, Геля наскоро распрощалась со Славой и принялась метаться по квартире. Случалось с ней такое, когда она сильно нервничала.

Все плохо! Все очень плохо, и помочь ей некому. Просто тошно от происходящего!

Хорошо еще, никто не знает про ее связь со Славой. Хотя, может быть, многие уже и догадываются. В офисе наблюдательные сотрудницы могли что-то подметить, или вот еще – пару лет назад она чуть было не проговорила институтской подружке. Они тогда славно посидели в кафе, выпили больше нужного, и у Гели чуть было не развязался язык, только чудом она удержалась от опрометчивого признания.

Наконец перестав метаться, Геля прошла на кухню, накапала в рюмку валокордина. Помедлила и вылила лекарство в раковину. Она же не обычная тетка-истеричка! Нет!

Геля снова взялась за телефон:

– Мама, тебе Вадим вчера ничего не рассказывал?

Вообще-то, у матери было больное сердце, и лишние тревоги вовсе ей не нужны, но сейчас и у самой Гели болело сердце. Не было сил оставаться наедине со своими страхами, безумно хотелось выговориться.

Как выяснилось, мать ничего не знала, но, почувствовав волнение дочери, начала сама задавать вопросы, ответов на которые у Гели не нашлось. Пришлось спешно закончить разговор.

И только Геля положила телефон на стол, как он зазвонил вновь. Номер был ей незнаком.

– Да, – неуверенно ответила она.

Оказалось, звонит человек из полиции. Он представился, говорил спокойно и вежливо, попросил о встрече.

– Приезжайте ко мне домой, – прошептала совершенно обессиленная Геля. – Если это возможно.

И минут через сорок на пороге появился молоденький худенький парнишка в штатском, который совсем не был похож на полицейского, какими их представляла Геля.

Вопросы он задавал безобидные. Геля отвечала уверенно и спокойно, а про пятницу сообщила:

– Я ездила по магазинам. Скоро Новый год, я всегда покупаю подарки заранее.

В это же самое время Катя Базутина безуспешно пыталась удовлетворить Лесиного любопытство. Подруга прочно обосновалась в Катином кабинете и раз сто заставила ее пересказать пятничную историю. Хорошо еще, не было срочной работы. Впрочем, если бы работа была, Катя Лесю быстро бы выпроводила. К работе девушка относилась серьезно, да и бесконечные вопросы уже надоели.

– Ну ладно, хватит! – просила Катя. – Я уже устала одно и то же повторять.

– Думаешь, в него стреляли? – продолжала допытываться Леся.

– Ничего я не думаю! – Катя начинала злиться.

Подруга нахмурилась, закусила губу и неожиданно сказала:

– Ты бы пожила пока у родителей.

– Это еще зачем? – опешила Катя.

– Ну...

– Я-то тут при чем? Вряд ли кто-то захочет от меня избавиться.

– Да, но...

– Леся, перестань!

Болтушка нахмурилась, а Катя, заметив у подруги на пальце необычное стильное кольцо, воспользовалась случаем и сменила тему:

– Какая прелесть! Витька из Италии привез?

– Ага, – подтвердила девушка.

В Лесиных поклонниках Катя путалась. Поклонников у той было много, и, как иногда казалось Кате, подруга сама в них путалась.

– А жена у него стерва! – вздохнула Леся.

– У кого? У Витьки? – засмеялась Катя, хотя прекрасно понимала, что Леся говорит о Коришине.

– Я ее видела пару раз, – как ни в чем не бывало продолжила та. – Высокомерная такая, никого вокруг не замечает. И наверняка красавицей себя считает.

– А на самом деле? – заинтересовалась Катя.

– А-а-а-а... обычная баба, – протянула Леся и состроила гримаску. – Высокая, выше меня. И лицо такое... Как будто из камня высечено.

– Это что значит? – изумилась Катя.

– Ну, знаешь... Такое безжизненное, вроде как у статуи Свободы.

Зазвонил Лесин телефон, но ответить она не пожелала, поскольку обсуждать жену начальника было куда интереснее.

– Когда старый начальник юбилей отмечал, мы ходили в ресторан. Вот тогда Коришин свою половину и притащил. До чего же хороший прежний начальник был! – вздохнула Леся. – Жалко, ты его не застала.

Старого начальника департамента Леся вспоминала часто и всегда с ностальгическим умилением. Впрочем, Коришин ей тоже нравился.

– Так вот, эта дура весь вечер сидела, будто аршин проглотила. Ни с кем не разговаривала, ни на кого не смотрела. И утатила Коришину, когда еще расходиться не начали. Катя, ты только не злись...

– Сейчас разозлюсь! – пригрозила Катя.

– Ты Коришину нравишься. Не спорь! – заговорщицким тоном прошептала Леся.

– Леся! Хватит!

– Катя, а ведь это могла подстроить она!

– О господи! – жалобно воскликнула Катя, закатив глаза.

– Послушай, – быстро заговорила Леся. – Ты Коришину нравишься, а жена у него не из тех баб, которые будут такое терпеть.

– Все! – отрезала Катя и закрыла ладонями уши. – Бред слушать не буду!

Да, пусть Катю в присутствии начальника бросало то в жар, то в холод, и испытываемые чувства были непонятны ей самой, но это ее личное дело. Никак не Лесино, да и у жены Коришина нет и не может быть поводов для ревности.

Леся вздохнула, покачалась на стуле. Молча. Поэтому Катя сочла возможным опустить руки. И тут она вспомнила кое-что важное:

– У Севы телефон не отвечает. Уже несколько дней.

Катя однажды познакомила подругу с братом. Сева тогда собирался куда-то уезжать и привез Кате запасные ключи от квартиры. На всякий случай.

Ключи, кстати, до сих пор лежали дома у Кати.

Сева тогда приехал как раз к обеденному перерыву, и они вместе с Лесей сходили в ресторан. Кате тогда показалось, что подруга брату очень понравилась, но Сева потом ни разу про Лесю не спросил.

– Съезди к нему домой.

– Ездила уже. Нет его дома.

Лесин телефон зазвонил снова. На этот раз она сразу же схватила трубку. Не иначе начальство ищет ценную сотрудницу.

Пока Леся разговаривала, Катя откинулась в кресле и закрыла глаза. Тяжелой волной накатило беспокойство. Затем в который раз набрала Севин номер, но телефон по-прежнему был выключен.

– Не переживай, – сказал вчера Саша, собираясь домой. – Развлекается парень.

Кате не хотелось, чтобы Саша уходил.

– Останься, – попросила она.

– Работы много, – покачал головой парень. – Пока утром доеду, полдня пройдет.

Они долго целовались в прихожей. Катя начала надеяться, но Саша все-таки ушел.

Выслушав отповедь механического телефонного голоса, Катя поднялась из-за стола и подошла к окну. Окна кабинета выходили на служебную стоянку, и прямо сейчас ей был отлично виден начальник Вадим Михайлович Корышев, садившийся в свою машину.

В последние годы никто из общих приятелей и приятельниц с Никитой Алфёровым не встречался. Никто даже не знал, что он вернулся на родину. Это знал только Вадим.

С Никитой он не так давно случайно столкнулся на улице. Узнал бывшего друга мгновенно, в ту же секунду, как увидел. Впрочем, за десять лет тот почти не изменился. Не поседел, не растолстел, только на лбу появились заметные залысины.

Вадим возвращался к машине – заехал в аптеку, Геля просила купить какую-то ерунду. Аспирин, кажется. Никита Алфёров шел ему навстречу. Оказавшись практически лицом к лицу, Вадим не имел возможности Алфёрова не заметить.

– Здорово! – первым остановился Вадим.

– Привет, – безразлично произнес Алфёров.

– Как жизнь? – Вадиму стало тоскливо. – Насовсем вернулся?

– Не решил еще, – ответил Никита, равнодушно глядя на Вадима. Так обычно смотрят на кассирш в супермаркете – как бы мимо человека. – Извини, спешу.

Никуда Алфёров не спешил и знал, что Вадим это понимает. Мимолетная встреча оставила гнусный осадок, от которого Вадиму до сих пор не удалось избавиться.

Ближе к обеду на Вадима снова накатила тоска. Он решил позвонить теще.

– Елизавета Игоревна, можно Павел несколько дней у вас поживет?

– Все так серьезно, Вадик? – помолчав, спросила женщина.

Она явно знала о происшествии. Интересно, кого еще успела посвятить в подробности случившегося Геля? Сам виноват – стоило предупредить жену, велеть помалкивать.

– Надеюсь, нет, – успокоил ее Вадим. – Но...

– Я все понимаю, – теща всегда его понимала, иногда даже намного лучше жены. – Мне нужно полтора часа, чтобы попасть домой.

– Отлично, – заключил он. – Заберу Пашку из школы и привезу к вам.

Теща давно вышла на пенсию, но продолжала работать. Причем, как догадывался Вадим, не только из-за денег. Теща ругала начальство, жаловалась на жуткую усталость, но упорно

ходила в офис, где, судя по всему, жила насыщенной социальной жизнью. Когда дела в фирме шли на спад, как оно часто бывает в нашей великой отчизне, теща томилась и скучала.

Вадим сжал телефон в руке, потер трубкой подбородок, вздохнул и позвонил жене.

– Геля, я сам заберу Пашу. И отвезу к Елизавете Игоревне. Я ей уже позвонил.

– Зачем? – удивилась Геля.

У него замечательная жена, но Вадиму сделалось совсем тоскливо.

– Пока я не пойму, что происходит, Павел побудет у бабушки!

– А что происходит, Вадик? – тихо спросила Геля.

– Не знаю. И пока не разберусь...

– Нам всем угрожает опасность?

– Геля, я не знаю, – устало признался он. – Знал бы, сказал. И вот еще... Никому не говори, где Паша. Никому, Геля!

Как-то он неправильно с ней разговаривает: его долг успокаивать жену, а он вместо этого только сеет хаос и панику.

– Вадим... – неуверенно начала Геля.

Точно! Жена считает его паникером и не верит в опасность.

– Все будет хорошо, – как можно тверже заверил он.

– А как же школа?

– Придется пропустить несколько дней. Я постараюсь быстро... разобраться. И вот, знаешь... – пришло ему в голову. – Можно взять путевку и отправить вас куда-нибудь на недельку. Ты подумай об этом.

Вариант отличный! Убрать сына и жену из Москвы и тем самым развязать себе руки. Правда, он пока не представлял, что будет делать этими свободными руками.

– Все будет хорошо, Геля. Потерпи немного. Я разберусь.

Вадим сунул телефон в карман пиджака, немного подумал и надел куртку. Запер кабинет, спустился вниз по лестнице, у проходной остановился, еще немного подумал и вернулся назад, решив заглянуть к Екатерине Базутиной. За дверью ее кабинета слышались голоса – Катя была не одна. Он снова вернулся на лестницу и сбежал вниз.

«Где-то он меня ждал», – усевшись за руль, подумал Вадим о пятничном стрелке. Человек где-то оставил машину и дожидался его. Но никто, даже он сам, не знал, что именно в это время он отправится именно в это кафе и именно с Катей Базутиной.

Он и на улицу-то вышел только потому, что у него неожиданно закончились сигареты. Вадим покурил у себя в кабинете, хотя это и было строжайше запрещено.

Вадим прикрыл глаза и отчетливо представил грязный темный внедорожник, въехавший передними колесами на тротуар. Из дешевых, скорее всего корейский. Вспомнил, как медленно опускалось стекло, а потом показалось нечто, вызвавшее у него мгновенную реакцию «беги и падай». Позже Вадим осознал, что он увидел. Оружейное дуло.

Если бы не нападение в подъезде, он не сумел бы среагировать так, как среагировал – толкнуть Катю с высоких ступеней крыльца кафе и успеть упасть самому. Чудеса! Он ведь никогда не был суперменом.

Вадим на всякий случай вышел из машины, внимательно оглядел стоянку, выглянул на улицу. Мимо, как обычно, мчались автомобили. Накрапывал дождь, пешеходы старались держаться подальше от проезжей части, опасаясь летящей из-под колес грязи.

Обычная улица, ничего подозрительного.

По дороге к школе Вадим пытался следить за едущими следом автомобилями, фиксировать в памяти номера, но тоже ничего подозрительного не заметил.

Впрочем, он не обучался искусству слежки, и его усилия в данном случае не стоили ровном счетом ничего.

Съездить в обеденный перерыв домой за Севиными ключами и вернуться вовремя казалось нереальной эскападой, но Катя решила рискнуть. Домчалась до метро, еле дождалась, пока поезд доедет до нужной станции, до дома почти бежала. К счастью, ключи лежали там, где она и надеялась их найти – в выдвижном ящике книжного шкафа. В этот ящик Катя складывала малонужные вещи. Содержимое ящика давно следовало разобрать, но все руки не доходили.

Схватив ключи, Катя постояла, стараясь отдышаться. Потом зашла на кухню, выпила воды.

Нужно возвращаться на работу, ехать к Севе сейчас решительно невозможно. Подобные вольности в их министерстве не приветствовались. А если еще и Корышев не вернется с обеда вовремя, то их «совместное» отсутствие вызовет вопросы не только у беззлобной Леси. И тогда ей, Кате, несдобровать.

Надо было спешить, но к метро Катя шла медленно, а на платформе с тоской поняла, что поедет сейчас не на работу.

В Севину дверь она звонила недолго. Так, на всякий случай. Вставила ключ в замок, отперла.

– Сева! – негромко крикнула Катя, стоя в темной прихожей.

Ответа она не ожидала, но из комнаты слышалось:

– Что тебе?

Катя прислонилась спиной к двери, мгновенно навалилась слабость. А еще злость.

– Ты какого?... Почему у тебя выключен телефон? – Катя, не раздеваясь, прошла в комнату.

Брат лежал на диване. Под головой у него была подушка в декоративной наволочке, а ноги укрывал плед из верблюжьей шерсти. Плед Севе подарили Катины родители на прошлый Новый год. Точно такой же они подарили и Кате, только ей плед оказался не нужен и лежал теперь в шкафу, занимая целую полку.

Брат смотрел на Катю равнодушно.

– Ты пьян?

– Нет.

– Сева, в чем дело?

– А что такое?

– Хватит! – рявкнула Катя. То есть хотела рявкнуть, но не получилось – от пережитого страха говорить было трудно. – Почему у тебя выключен телефон?

Сева не ответил. Перестал смотреть на Катю и принялся разглядывать потолок.

Телефон лежал рядом, на тумбочке. И зарядное устройство лежало там же. Катя подключила телефон к электросети, а потом, прямо в куртке, уселась рядом с братом.

– Я к тебе вчера приезжала. Звонила в дверь, – вздохнула она.

Брат молча погладил ее пальцы, а потом сложил ладони и положил руки под щеку.

– Сева, в чем дело? У тебя неприятности?

– Да, – поморщился он. Наверное, понял: кухня не отстанет.

– Ты не поверишь, но у меня тоже, – ехидно улыбнулась Катя. – Меня в пятницу чуть не убили.

– Что?! – брат резко сел, чуть не столкнув Катю на пол.

– Угу, – кивнула она.

– Выкладывай!

– Сначала ты! – твердо заявила она. – Мама нервничает, между прочим.

– Я бы ей позвонил. Сегодня или завтра.

Сева потянулся, встал, походил по комнате.

– Фирма обанкротилась.

– Я так и думала!

Брат без конца пытался завести свой бизнес. Воодушевлялся, начинал новое дело и терпел очередное фиаско. Все вокруг уговаривали его пойти на нормальную работу, подразумевая под таковой какую-нибудь государственную контору, но Сева упрямо пытался сделаться бизнесменом.

– У тебя долги?

– Ясное дело, – пожал плечами Сева.

– Большие?

– Неважно, – брат потер руками лицо. – Буду объявлять себя банкротом. Как физическое лицо.

В вопросах банкротства Катя не понимала ничего.

– Сева, если надо, я продам квартиру!

Квартира, в которой Катя жила, осталась от бабушки. Бабушка часто брала к себе внуков, а потому и Катя, и Сева бабушкину квартиру любили. Продавать жилплощадь никому не хотелось, и Катины родители выплатили Севе половину стоимости. Такой вариант устроил всех. Сева тогда начинал очередной бизнес, и деньги ему пришлось очень кстати.

– Не дури! – поморщился брат, постоял около Кати и уселся рядом. – Рассказывай!

– Только моим родителям ничего не говори, – предупредила Катя. – Я им не все рассказала.

В детстве они с братом часто ссорились, иногда даже дрались. Впрочем, это было давным-давно, когда они еще в школу не ходили.

Как хорошо, что у нее есть Сева, неожиданно подумала Катя, рассказывая о пятничном происшествии.

От Севы ничего не надо скрывать, и она рассказала все без утайки.

– Отвези меня на работу, – наконец попросила Катя, посмотрев на часы. Обеденный перерыв давно закончился, но до конца рабочего дня оставалось еще время. – И бутербродик какой-нибудь дай, есть хочу.

Брат был хорошим водителем. Он умел объезжать пробки по дворам и переулкам и довез Катю на удивление быстро. Катя выбралась из машины и помахала ему рукой. Хорошо, что Сева жив и здоров. Однако необъяснимое беспокойство не отпускало.

Припарковаться у школы не удалось. Вадим оставил машину в соседнем дворе, огляделся, ничего странного не заметил. Никто не пытался свернуть следом за ним, даже подозрительных прохожих не наблюдалось. Впрочем, он едва ли мог сформулировать, какие прохожие должны казаться ему подозрительными.

Приехал он минут на двадцать раньше. Болтаться около школы не хотелось, и он пошел в другую сторону, несколько раз оглянувшись. Мела поземка, встречный ветер сыпал мелкий колючий снег прямо в глаза.

Вадим повернул назад и тут заметил новую, недавно открывшуюся пекарню. Месяц назад пекарни не было. Он тогда забирал Пашку из школы, и они проходили мимо. Вадим уже давно не ел нигде, кроме как дома или в хороших ресторанах. Но сейчас он зашел в пекарню и купил себе самсу с мясом.

Самса оказалась горячей и очень вкусной. Вадим съел ее, стоя у окна. Посмотрел на часы и заторопился обратно к школе.

Гелю он заметил сразу, издалека. Она тоже его заметила и быстро пошла навстречу.

– Вадим! – тихо сказала жена, приблизившись. – Что ты от меня скрываешь?

– Ничего, – вздохнул Вадим. – Я от тебя ничего не скрываю. Мне сейчас нужно, чтобы вы с Пашкой были в безопасности.

– Вадим, куда ты вляпался?

– Геля, поживи пока у мамы, – попросил Вадим.

– Ты прекрасно понимаешь, это невозможно, – жена нахмурилась и закусила нижнюю губу.

Она не билась в истерике и ничего не требовала, но сейчас он с трудом ее выносил.

Из дверей школы начали выходить дети. Вадим пошел к калитке, Геля недовольно зашагала следом.

– Вадим! Ты меня слышишь?

– Слышу, – тихо заверил Вадим.

Рядом толпились другие родители, место для выяснения отношений никак не подходило.

– Почему невозможно? – почти прошептал он.

– Ты о чем?

– Почему ты не можешь какое-то время пожить у Елизаветы Игоревны?

На пороге школы показался Пашка, Вадим замахал ему рукой.

Слава богу, в присутствии сына Геля прекратила донимать его вопросами. Ради Пашки они оба пытались казаться веселыми и беззаботными. Вадим отвез семью к теще. По дороге он опять старался запоминать номера и марки едущих следом машин, но по-прежнему не замечал ничего подозрительного.

Выбрав момент, Вадим предупредил сына:

– Паша, будешь разговаривать с друзьями, не говори, где ты. Ладно? Скажи... заболел, – предложил Вадим. – Врать нехорошо, но сейчас особый случай.

Сын молча кивнул, и у Вадима от жалости перехватило дыхание.

– Со мной все будет в порядке, – успокоил он. – Я приеду через несколько дней и тебя заберу. Потерпи.

Убью, с тоской подумал неизвестно о ком Вадим. Найду и убью.

Теща, умница, ненужных вопросов задавать не стала, отвлекла Пашу разговорами про уроки и увела в комнату.

– Поживи здесь, – снова попросил Гелю Вадим.

– Нет! – не глядя на него, покачала головой жена. – Я должна быть с тобой!

«Ты будешь мне только мешать!» – хотел сказать Вадим, но сил спорить уже не осталось.

Домой они ехали молча, и за это Вадим был жене благодарен. Он остановился у шлагбаума, но заезжать во двор не стал.

– Ты не зайдешь домой? – удивилась Геля.

– Нет. Мне нужно на работу.

– Вадик, ты ничего от меня не скрываешь?

– Нет. Я ничего не знаю, Геля. Я ничего не понимаю и хочу разобраться. А ты мне мешаешь.

Она не слишком мешала. Просто он понятия не имел, как станет «разбираться».

– Я хочу тебе помочь, – грустно сказала Геля.

– Знаю. Но помочь ты мне не можешь. – Он хотел опять сказать, чтобы ехала к матери, но сдержался.

Геля вышла, мягко хлопнув дверью. Он выбрался следом, дошел с ней до квартиры, подождал, пока она отопрет дверь. Не заходя внутрь, обнял жену одной рукой, поцеловал и вернулся к машине.

И вместо того чтобы вернуться на работу, он поехал к дому Никитиных родителей.

Адреса Вадим не помнил, но дом нашел сразу. За двадцать прошедших лет квартал не изменился. Он долго звонил в квартиру на восьмом этаже, но ему никто не открыл.

Геля чувствовала себя ужасно. Раньше она мужем гордилась, но оказалось, что гордиться нечем. Сейчас он показал себя слабаком, и это было отвратительно. А самым отвратительным

было то, как в одночасье сломалась налаженная жизнь, и Геля почувствовала себя в пустоте. В вакууме. От этого становилось совсем тоскливо.

Перестрелка не имела и не могла иметь к Вадиму прямого отношения, это Геля понимала. Просто он оказался в ненужное время в ненужном месте. Не девяностые же сейчас!

Хотя девяностые Геля помнила плохо, больше по рассказам, поскольку и тогда ее семья и все ближайшие знакомые не имели отношения ни к перестрелкам, ни к чему-то такому, криминальному. Это был совсем другой мир, который они наблюдали только на экране телевизора.

Сидеть дома и ждать непонятно чего не хотелось. Геля быстро переоделась в деловой костюм – в офисе она всегда появлялась в деловой одежде. Только она одна и появлялась, сотрудники ходили в джинсах и свитерах. Ей даже на Славу пришлось мягко нажать, чтобы тот отказался от демократичного стиля в пользу костюма.

Если недавняя поземка перейдет в серьезный снегопад, то к вечеру наверняка образуются огромные пробки.

Но, как вскоре выяснилось, вечера ждать не пришлось. До офиса Геля не ехала, а ползла. В какой-то момент даже захотелось вернуться. Она бы так и сделала, но все никак не удавалось съехать с проспекта или развернуться. Из-за огромного внедорожника совершенно ничего не было видно. Гелина машинка проползала пару метров вслед за этим монстром на колесах и снова останавливалась.

Нетерпеливо постукивая пальцами по рулю, Геля размышляла.

Она всегда считала себя сильной женщиной, и эта роль ей нравилась. Только сейчас захотелось стать слабой. Хотелось, чтобы Вадим ее успокаивал и утешал. Но их жизнь была построена так, что утешать ее мужу не пришло бы в голову. Хотя Вадим ценил ее мнение, уважал за помощь и поддержку.

Вот, например, когда он регистрировал свою фирму. Дело было связано с бюджетными деньгами, которые требовалось грамотно перераспределить, чтобы они не ушли к чужим людям. Ситуация складывалась критическая, фирму нужно было зарегистрировать немедленно. Всех подробностей Геля не понимала и не стремилась понять. Она поняла главное: ее мужу немедленно нужны деньги, чтобы стать хозяином фирмы с хорошим государственным финансированием. Им тогда повезло – у Вадима умерла какая-то дальняя родственница, он удачно продал ее квартиру и стал обладателем весьма приличной суммы, которую и вложил в бизнес. Так он оказался главным претендентом на роль директора фирмы, а вскоре превратился из наемного директора в полноценного хозяина дела.

Правда, в бочке меда была и ложка дегтя. Поначалу Вадим собирался одолжить большую часть полученных денег Никите Алфёрову. Чтобы отправить на лечение за границу его девушку Надю.

Никиту Геля знала плохо и особой симпатии никогда к нему не испытывала. Впрочем, как и антипатии. Парень как парень, не наглый, не надоедливый. Никитина подружка Геле нравилась куда меньше. Надю она искренне считала лицемеркой и едва терпела, если им все-таки случалось проводить вместе время.

Держаться от Нади подальше Геля старалась и еще по одной причине: у Никитиной подруги было тяжелое заболевание крови. Чужих болезней Геля опасалась, хотя старательно свою неприязнь к больным скрывала. Тем более помочь Наде она никак не могла.

Потом Вадим пообещал Алфёрову деньги, чтобы отправить Надю на лечение в Германию. Геля не возражала – Никита парень честный, деньги вернет. Ей даже хотелось выступить в роли благодетельницы. Приятно было думать, сколь много хорошего сделала она для противной Нади. Хотя Геля и понимала, как это мелко.

Никто не виноват в том, что изменились обстоятельства и деньги понадобились им самим. Да, Надя умерла. Но вылечить ее все равно было невозможно. Даже там, в Германии, никто не гарантировал положительной динамики. Геля специально консультировалась у зна-

когого доктора, и он подтвердил слова немецких коллег. Вины Гели и Вадима в случившемся не было. Так она и сказала мужу, и потом еще не раз повторяла, когда тот мучился чувством вины. Геля мужа всегда поддерживала. А теперь, когда настал его черед поддержать ее, муж оказался не на высоте.

Внедорожник опять дернулся, а потом неожиданно набрал скорость. Откуда-то впереди появилась грязная «Лада», и Геля шепотом выругалась. Но изделие отечественного автопрома быстро сошло с дистанции, и оставшуюся часть пути Геля проехала быстро.

Переключиться на мысли о работе было трудно, но Вадим умел решать несколько задач одновременно. Вернувшись в министерство, он заглянул в свой кабинет, задал пару вопросов секретарше. К счастью, высокое начальство им сегодня не интересовалось. После чего решил еще раз попытать счастья в кабинете Кати Базутиной.

Рывком открыл дверь и запоздало удивился: Екатерина преспокойно сидела за компьютером, а он отчего-то вовсе не ожидал ее увидеть. Наверное, в такой неудачный день даже наличие на рабочем месте собственной сотрудницы кажется почти чудом.

– Привет! – сказал Вадим и уселся на стул для посетителей.

– Здравсте... – растерянно поздоровалась она.

Он помолчал. Взял со стола забавную маленькую фарфоровую собачку, покрутил в руках, поставил на место.

– Я отвез ребенка к теще, – вздохнул Вадим.

Этого нельзя было говорить никому, но он сказал.

Странно, но сейчас, рядом с Катей, он впервые за последние часы почувствовал себя в безопасности.

За дверью послышались голоса, стихли.

– Все время думаю, кому я мог перейти дорогу... И версий нет никаких, – Вадим поморщился. – Большую подлость я сделал только один раз. Давно. Очень давно, десять лет назад. Но... тот человек не мог в меня стрелять.

– Почему? – быстро спросила Катя.

– Не мог! – вдаваться в детали Вадиму не хотелось. – Я его встретил пару недель назад. Случайно, на улице. Он много лет работал за границей.

– Его все равно надо найти! – с жаром воскликнула Катя.

– Надо, – согласился Вадим. – Я и ищу.

А потом подумал о Геле. В такой ситуации жена непременно бы нахмурилась, долго думала и придумала для Вадима план действий. А потом начала мягко, но назойливо требовать от него поступков согласно этому плану и подробных отчетов о сделанном. Контролировать мужа Геля умела как никто другой. Раньше Вадима такая забота умиляла, и он Геле даже подыгрывал. Но сейчас мысли о жене вызывали раздражение.

Катя молчала. Вадим закинул руки за голову, закрыл глаза.

– Ты обедал? – девушка впервые обратилась к начальнику на «ты», хотя, кажется, и сама этого не заметила.

– Нет. Не успел.

Катя чем-то зашуршала. Вадим открыл глаза. Сотрудница протягивала ему целлофановый пакет с пирожками. Вадим достал один, принялся жевать. Пирожок был с мясом.

– Брат дал, – объяснила Катя. – Я в обед к нему заезжала.

– У тебя есть брат?

– Двоюродный.

Он ничего о ней не знал. Но все равно рядом с ней чувствовал себя в безопасности.

Неожиданно Вадиму захотелось обнять девушку. Он быстро поднялся и подошел к окну. Хотелось ее обнять, сказать, что она очень ему нужна и рядом с ней он как будто отдыхает от всей своей скучной и неинтересной жизни.

Странно, почему именно сейчас жизнь без Кати начала казаться ему скучной и неинтересной? Вернее, казалась скучной до конца прошлой недели. После выстрелов жаловаться на скуку было бы довольно странно.

Ему давно не приходило в голову просто так обнимать жену. Обнять, чтобы тихо постоять вместе, молча или шепча какие-нибудь глупости. Этого не требовалось ни ему, ни Геле. Они честно выполняли свой долг и не требовали друг от друга ничего больше.

Ему всегда казалось, что у них идеальный брак. Но, выходит, чего-то не хватало в их браке, если в безопасности он себя чувствует только с Катей.

Дверь открылась, в комнату заглянула Леся Магулкина. Увидела Вадима и замерла. Ему даже на секунду показалось, что девушка откроет рот от удивления, но все-таки она смогла сдержаться. Как-то Вадим встречался с этой сотрудницей в неформальной обстановке. Они с Гелей ходили в ресторан, а Леся с кавалером сидели за соседним столиком, и девушка все время на него пялилась, чем вызвала Гелино неудовольствие. Вадим тогда девчонке кивнул, но пришлось объяснять жене, кто это такая. Геля любопытную сотрудницу запомнила, несколько раз потом о ней спрашивала. Сказать Вадиму было совершенно нечего, поскольку на Магулкину он внимания не обращал, и даже если бы ее уволили, вряд ли бы заметил потерю. Собственно, даже если уволить три четверти отдела, никто не заметит потери.

Однако сейчас сплетни об особых отношениях с молодой симпатичной сотрудницей Вадиму были совершенно ни к чему, а потому пришлось встать, попрощаться с Катей и вернуться в свой кабинет.

Усевшись за стол, Вадим включил компьютер и потянулся к телефону.

– У нас все в порядке, – сообщила теща. – Выучили уроки, теперь читаем. Вадик...

– Все нормально, – заверил он.

Все было ненормально, но теще знать об этом не следовало.

До конца рабочего дня он просидел, читая от скуки новости. Новости были нерадостные. Не вышел на орбиту очередной ракетоноситель, разгорался международный скандал со спортсменами, и прочее в том же духе. Спорт Вадим не интересовался, а ракету было жалко.

За несколько часов, которые он провел на работе, намело сантиметров пять снега, и к дому Алфёровых он пробирался через тяжкие пробки. Пробирался напрасно, дверь ему опять никто не открыл.

Фирма недавно переехала в новое престижное офисное здание. Аренда была высокой, и Слава долго сопротивлялся переезду, но Геля настояла. Правда, при этом пришлось закупить не те компьютеры, которые хотели программисты, а попроще, но Геля чувствовала, что поступила правильно.

Главное – это произвести выгодное впечатление. Она к такому выводу пришла давно, еще в юности, и с тех пор постоянно убеждалась в собственной правоте.

Впечатление на потенциальных заказчиков и партнеров в первую очередь производит внешняя атрибутика. Качество выполнения договоров – дело не столь важное. Кстати, с качеством в фирме дела всегда обстояли неплохо. Даже странно, что прибыль в последнее время заметно упала.

Чтобы тебя уважали другие, нужно уважать себя самой, говорила когда-то мама. Принцип этот Геля запомнила и сразу же начала воплощать в жизнь. Во всяком случае, делала все, чтобы ее уважали муж и сын.

Геля поставила машину на служебную стоянку, прошла сквозь раздвижные стеклянные двери. Две молоденькие девушки, попавшиеся навстречу, с любопытством на нее посмотрели, поздоровались. Геля девчонок не помнила, но, улыбнувшись, кивнула.

Секретарши на месте не оказалось. Геля отперла свой кабинет, разделась, повесила пальто в шкаф и позвонила Славе по внутреннему телефону.

– Ты здесь? – удивился генеральный.

– Вообще-то да, – поморщилась Геля.

Вадим обычно морщился, когда слышал идиотский вопрос, и Геля переняла у него привычку.

– Принеси мне сводные таблицы по договорам за последний квартал, – вздохнула Геля. – И попроси сделать чаю, пожалуйста.

Ротнев появился через несколько минут. Все это время Геля сидела неподвижно, барабанила пальцами по столу.

– Ты бы хоть компьютер включила, – проворчал он, нагибаясь, чтобы дотянуться до системного блока.

Монитор ожил, засветился.

Ротнев пощелкал мышкой, открывая файлы. Перед Гелей появилась таблица с множеством ячеек, заполненных исключительно цифрами.

Слава молча встал из-за стола и пошел к двери. «Бойтся, я к нему с нежностями полезу», – зло подумала Геля, которая считала себя неспособной на подобную навязчивость.

– А чай? – бросила она любовнику.

Слава обернулся, но ничего не сказал и вышел из кабинета.

Таблица на экране не помещалась, это раздражало. Геля равнодушно смотрела на названия проектов, этапы и сроки выполнения, суммы платежей. Вадим уже давно собирался со всем этим разобраться.

Дверь снова открылась. Слава внес поднос с двумя чашками и вазочкой с печеньем. Она такого не ожидала: думала, придет секретаршу.

Поставив поднос на стол, он уселся в кресло и взял одну из чашек.

– Что с Корышевым? – нехотя спросил Гелин любовник.

Геля пожала плечами. Она сама хотела бы знать, что происходит с ее мужем.

– У него самого какие-то предположения есть?

– Есть, – кивнула Геля как можно увереннее.

– То есть стреляли в него? Ты сказала, это произошло на улице...

Геля не ответила. Взяла печенье, откусила.

Раньше ей казалось, что рядом со Славой она превращается в веселую злую ведьму. Это щекотало нервы. Теперь другие события щекочут нервы уже по-настоящему.

Слава воровато оглянулся на дверь, поднялся, наклонился к Геле. Она молча на него посмотрела. Любовник быстро поцеловал ее в уголок губ, вернулся на место. Обычного радостного волнения Геля не почувствовала. Только усталость. Даже рассказывать о своих проблемах ей не хотелось.

– Нам пока не стоит встречаться, – прошептал Слава.

– Ты говорил, – напонила Геля.

– Ангелина...

– Да?

– Ты мне очень дорога. Ты это знай! – а потом отодвинул чашку и быстро вышел.

Он врал. Ничего их не связывало, кроме греха.

Она думала, что Ротнев велит секретарше забрать поднос, но секретарша не появлялась. Пришлось подняться, выглянуть из кабинета, позвать девушку.

Девчонка Гелю побаивалась, это было заметно. Геля посторонилась, наблюдая, как напуганная девушка выносит чашки, и неожиданно подумала, что держать молодую особу рядом с любовником нежелательно. Равнодушно подумала, без ревности.

Затем выключила компьютер, оделась и поехала домой. Посещение фирмы оказалось затеей бессмысленной, но потраченного времени Геле было не жаль. Свободным временем она могла даже с кем-нибудь поделиться.

28 ноября, вторник

Проснулся Вадим рано, до звонка будильника. Осторожно, стараясь не разбудить Гелю, встал. Однако минут через двадцать, когда он с удовольствием пил чай, Геля пришла на кухню.

– Возвращайся в постель, рано еще, – с тайной надеждой сказал Вадим.

Геля уселась на кухонный диванчик, на свое любимое место. Провела руками по волосам. Волосы после сна она еще не успела расчесать, но все равно показалась Вадиму похожей на статую римской богини правосудия. Он попытался вспомнить, как зовут богиню, и не сумел. Юстиция, кажется.

Вчера весь вечер Геля вела себя идеально и тем самым изрядно его мучила. Она молча читала книгу и только изредка на него поглядывала, а он чувствовал себя плохо подготовленным студентом перед строгим преподавателем. Вадим даже отправился в постель в начале десятого, сделав вид, будто валится с ног от усталости. Правда, как ни странно, тут же заснул.

Геля и сейчас молчала. Он сам не выдержал и воскликнул:

– Геля, я пытаюсь с этим разобраться!

Она опять промолчала. Вадим выплеснул недопитый чай в раковину, туда же поставил кружку.

– Если ты будешь мне мешать, быстрее от этого не получится.

– Разве я тебе мешаю?

– Геля, я пытаюсь с этим разобраться!

Она нахмурилась, вздохнула.

– Что ты сейчас собираешься делать?

– Поеду на работу, – пожал он плечами.

– Может быть, нанять телохранителя?

– Я подумаю над этим, – серьезно сказал он.

Вадим надел куртку, помедлил, прошел на кухню, поцеловал жену.

– Все будет нормально.

– Павлику нужно ходить в школу, – мягко напомнила Геля.

– Я помню.

Вадиму не хотелось говорить вслух о том, почему Геля так его раздражает. Но он понимал: жена считает его трусом и перестраховщиком, не способным взять себя в руки. Он и рад бы доказать обратное, только никак не мог придумать, как это сделать.

В машине он немного посидел, положив руки на руль. Стало жаль недопитого чая, и по дороге он остановился у небольшого кафе, несмотря на ранний час уже открывшегося.

– Яичницу и большой чайник чая, – попросил он зевавшую украдкой официантку.

Геля права, нужно немедленно что-то предпринять. Или, если до конца недели ничего не произойдет, начать жить как прежде. Геля и тут права. Паше надо ходить в школу.

Неожиданно накатил такой страх за сына, что Вадим замер с вилкой в руках. Застучало в висках. Он достал телефон, позвонил жене.

– Геля, никому не говори, где Паша!

Вадим понимал, что нужно добавить еще что-то, поскольку его поведение становится действительно неприемлемым, но так и не нашел в себе сил.

Как только он положил аппарат на стол, тот зазвонил снова. Номер на экране был Вадиму незнаком.

– Да! – тихо произнес он. Откуда-то появилась уверенность – звонит человек, которому он непонятно чем сильно помешал.

– Привет! – со смешком ответил звонивший. – Алфёров это. Ты меня разыскивал?

– Да, – покивал Вадим. – Мне нужно с тобой поговорить.

Едва ли Алфёров или даже нанятый им бандит дважды покушались на его жизнь, с тоской подумал Вадим.

– Говори, я слушаю.

– Нетелефонный разговор, – не хотелось выглядеть совершеннейшим идиотом, начав выпрашивать бывшего друга, где тот был в прошлые четверг и пятницу. – Давай встретимся вечером. Или днем, но вечером мне удобнее.

– Идет, – неожиданно легко согласился Алфёров. – Где?

Вадим подумал и назвал кафе, в котором сейчас завтракал.

Он не верил в причастность Никиты к случившемуся, но раз уж начал его разыскивать, обзвонив десяток старых друзей, дело нужно довести до конца.

Настроение окончательно испортилось, аппетит пропал. Вадим отодвинул недоеденную яичницу, но чай выпил с удовольствием, подливая в чашку из принесенного официанткой чайника. Затем положил несколько купюр в папку со счетом и вышел из кафе.

Долгие десять лет он старался не вспоминать о том разговоре с Никитой, когда отказал другу в помощи. О смерти Нади он узнал примерно через год. Столкнулся в метро с бывшей однокурсницей: постояли, поболтали, обсудили однокурсников, посетовали, как быстро идет время. Она и сказала, что Надежды больше нет, а Алфёров уехал в Штаты.

Начался дождь. Вчерашний снег превратился в тонкую ледяную корку, около машины Вадим поскользнулся и едва не упал.

Пронзительный звон будильника с трудом выдернул Катю из липкого ночного кошмара. Она лежала с закрытыми глазами и от страха боялась дышать.

Будильник замолчал. Катя включила ночник, с тоской посмотрела на темные окна и поплелась в ванную.

Она допивала кофе, когда накатила новая волна панического ужаса. Девушка вскочила и бросилась в прихожую. Немного постояла перед шкафом – открыть его она боялась. Потом собралась с силами и резко распахнула дверцы, оглядела висевшую в шкафу одежду.

Со вчерашнего вечера ничего не изменилось и не могло измениться, раз уж кроме Кати в квартире никого не было. Куртка понуро висела на плечиках, а вязаная шапочка лежала на полке.

Вчера она совсем не испугалась, когда, войдя в квартиру, увидела валявшийся на полу платок. Платок подарил ей Сева, и она его любила ничуть не меньше, чем самого Севу. Несколько лет назад брат привез этот кусочек шелка из какой-то экзотической страны. Яркий, расписанный разноцветными цветами и листьями аксессуар Катя носила практически постоянно, поскольку он дарил ей немного южного тепла, так необходимого в унылой осенней Москве. И только несколько дней назад она взяла с полки другой шарфик, поскольку цветастую прелесть не мешало постирать.

Вчера платок лежал на полу. Катя его подняла и положила в шкаф. Сама Катя никак не могла оставить платок на полу, поскольку не только не терпела беспорядка, но и имела привычку, уходя из дома, окидывать взглядом квартиру и убеждаться, что газ выключен, а штепсель утюга выдернут из сети.

Единственный раз в жизни она умудрилась не заметить упавший на пол платок? Или кто-то побывал в квартире в ее отсутствие?

Ключи от квартиры были у Саши. И у родителей. Но родители ни разу не приезжали без предварительного звонка и ни разу не пользовались ключами. Саша, случалось, приходил без предупреждения...

Психоз, поставила себе диагноз Катя. Стоит ли пугаться такой мелочи!

Она вернулась на кухню, допила остывший кофе. Завтракать не хотелось. Съев конфету, девушка обреченно вздохнула и начала собираться на работу.

Еще вчера ей показалось, что чашки в мойке стоят не так, как она их оставила...

Она точно угодит в психушку, если продолжит искать несуществующие странности.

Катя напоследок взглянула на себя в зеркало. Лицо бледное и испуганное, но, если этого не замечать, она очень даже интересная девушка. И у нее впереди вся жизнь.

Достав из шкафа куртку, она помедлила и все-таки позвонила Саше.

– Не разбудила? – на всякий случай спросила Катя, услышав его голос.

У друга не было необходимости вставать по будильнику. У них в фирме был свободный график, и Саша предпочитал являться к обеду и засиживаться до ночи.

– Да нет! Я встал давно, – сказал Саша, явно что-то жуя.

– А я уже выхожу, – сообщила Катя.

– Счастливо!

– Саша... – никак не могла решиться Катя, –...какое-то у меня настроение плохое.

– Да какое может быть настроение, когда за окном такая мерзость! Сегодня опять обещали чуть не месячную норму осадков.

– Ладно, пока! – только и смогла сказать Катя.

Как же так получилось? Когда-то они с Сашей могли разговаривать днями напролет обо всем на свете. О том, что Саше нужно обязательно сходить к стоматологу – нехорошо, когда с виду здоровый зуб реагирует на тепло и холод. Обсуждали Катину новую работу в министерстве – это Саша одобрял. Еще, конечно, говорили о том, как хорошо им друг с другом. И им было так интересно вместе.

А теперь, кроме прогноза погоды, и обсудить нечего. Или ей только так казалось?

Катя спустилась вниз и, вздохнув, пошла к своей машине. Конечно, если сегодня на самом деле выпадет месячная норма осадков, то ехать на машине не стоит, но она все же решила рискнуть. У нее теперь не жизнь, а сплошные приключения, и машина может понадобиться в любой момент.

Севе она позвонила, едва вошла в кабинет. Телефон брата опять был выключен. «Слава богу, родители всегда на связи!» – подумала Катя и набрала мамин номер.

– Мама! Сева тебе звонил?

– Звонил, – сказала мама. – Вчера.

– Ну вот, видишь. А ты нервничала.

О вчерашней встрече с братом и его очередных финансовых трудностях Катя благополучно умолчала. Справляться со своими проблемами нужно самостоятельно. Тем более Севе – взрослому и отчасти чрезмерно инициативному мужчине.

Катя включила компьютер и поймала себя на желании рассказать Корышеву о своих утренних страхах. Вернее, рассказать об этом просто хотелось нестерпимо, а Вадим Михайлович казался самой подходящей кандидатурой. Леся или решит, что Катя спятила, или начнет строить дикие версии, чем Кате никак не поможет, только напугает еще больше или даже разозлит. А с Корышевым они связаны общей тайной, и выслушать Катю он просто обязан. Однако начальник к ней за весь день ни разу не заглянул. Катя увидела его только вечером – на служебной стоянке, когда садилась в машину. Вадим Михайлович девушку не заметил. Кате нужно было в другую сторону, но она поехала за ним.

Боялась, что в начальника опять начнут стрелять.

Геле предстояло прожить очередной совершенно пустой день. Она привыкла придумывать себе множество дел, дабы ощущать себя нужной и постоянно занятой. Сама возила сына в школу и бассейн, занималась хозяйством, периодически ездила в офис, разыгрывая из себя хозяйку серьезного бизнеса. Раньше даже на свидания со Славой не всегда легко получалось выбраться. А сейчас, из-за проблем Вадима, делать было совершенно нечего, отчего Геля чувствовала себя ненужной и потерянной.

Это новое чувство Геле решительно не нравилось. Она привыкла считать, что является для Вадима счастливым билетом и ему очень повезло, когда Геля его выбрала.

В их тандеме сильной и мудрой была она. Но, как всякая мудрая женщина, это скрывала, позволяя мужу чувствовать себя главным. Если бы не она, Вадим до сих пор сидел бы на копеечной зарплате. Именно она ненавязчиво настояла, чтобы деньги были потрачены на организацию собственной фирмы, Вадим завел нужные знакомства и попал в министерство.

Вадим ее заслуг не ценил, но Геля это ему прощала. Как прощала многое другое. Например, сегодняшнее утреннее непонятное раздражение.

Геля предпочитала определенность во всем. Она любила и умела строить планы и твердо им следовать, а эта дикая история с выстрелами совершенно выбивала из привычной колеи. К страхам Вадима Геля относилась как к капризам неразумного дитяти. Они, конечно, раздражали, но проще было их игнорировать, а не конфликтовать. Она знала, когда на мужа можно давить, а когда стоит воздержаться.

Отвезу Павлика в бассейн, решила Геля. С удовольствием позавтракала и поехала к матери.

Настроение еще больше испортилось, когда она увидела, с каким беспокойством смотрит на нее не только мать, но и Павлик. «Идиот!» – с раздражением подумала Геля о муже. Испугал ребенка, и еще не известно, как это скажется на детской психике.

– Как дела? – театрально весело спросила Геля.

– Отлично, – так же неискренне улыбнулась мать.

– Нормально, – важно кивнул Павлик.

Сын сейчас очень походил на Вадима. Геля повесила пальто, обула тапочки.

– Поедем в бассейн. Я взяла очки и плавки. Собирайся.

– Вадим просил никуда не выходить, – напомнила мать.

– Павлик, иди к себе! – велела Геля, направляясь на кухню.

Одну комнату в своей квартире мать давно превратила в полноценную детскую. Квартира стала для Павлика вторым домом, и Геля иногда даже ревновала.

– Почему ты всегда мне перечишь? – вздохнула Геля.

– Вадим просил никуда не выходить! – мать сняла очки, покрутила их в руках. – Гелечка, в этот раз его нужно послушать.

– А меня не нужно слушать?

Господи! Почему у них любой разговор перерастает в ссору?

– Ребенка нельзя запугивать! Ты этого не понимаешь? Хочешь, чтобы он вырос с комплексами? – зашипела Геля, памятуя об играющем в соседней комнате сыне.

– Геля, Паша никуда не поедет! – мать положила очки на стол и включила чайник.

– Мама! – ахнула Геля. – Ты переходишь все границы!

– Чаю хочешь?

– Павлик, собирайся! – крикнула Геля.

– Мапочка, я не поеду, – сын появился в дверях бесшумно, потер переносицу и посмотрел на Гелю так, как обычно смотрел Вадим.

– Почему? Ты боишься? – Геля потянула его за руку и обняла. – Тебе абсолютно нечего бояться. У взрослых бывают проблемы, но тебя это не касается. Тебе нравится плавать, и не надо упускать такую возможность.

– Мама, я не поеду. – Павлик осторожно отодвинулся. – Я обещал папе, что не выйду из дома, пока он не разрешит...

Через полчаса совершенно обессиленная Геля покинула квартиру, так и не добившись своего.

Впрочем, ее не особенно волновало, что мать и Павлик растоптали ее авторитет. Нет, ей стало по-настоящему страшно. Вдруг нормальная жизнь никогда не вернется?

Но Геля была действительно сильной женщиной и сумела справиться со своими недостойными страхами.

Когда-то Вадим сказал ей, будто человек может все, даже слетать на Луну. Слова Геле понравились. Они еще не были женаты, и именно тогда Геля приняла решение: лучшего мужа ей не найти. Раз уж он смог выразить словами то, что она чувствовала, но не могла сформулировать.

Они с Вадимом все могут. А выстрелы к ним отношения не имеют. Геля лучше остальных знала, что настоящих врагов у мужа нет.

Телефон зазвонил, когда она отпирала дверь квартиры. Геле захотелось, чтобы это был Вадим, но оказался Слава.

– Ты помнишь про четверг? – спросил он.

Геля не сразу вспомнила о грядущем юбилее фирмы. Последние события вытеснили все прежние проблемы.

– Помню, – недовольно буркнула она и неожиданно поняла, что любовник крайне редко произносит вслух ее имя. При посторонних зовет Ангелиной, а наедине никак не зовет.

– Корушеву надо прийти. Ты ему напомнишь или я позвоню?

– Напомню.

На юбилей фирмы Вадиму появиться необходимо. Он был первым директором, его многие помнили. Идти ему не хотелось, но Геля умела убеждать.

– Как вообще... дела?

– Нормально, – улыбнулась Геля.

– Да, – вспомнил Слава. – Ты посмотрела таблицы, которые я тебе сбросил?

– Посмотрела, – соврала Геля.

– Корушеву показывала?

– Нет еще.

– Если вопросы будут, звони.

– Конечно, позвоню, – с иронией пообещала Геля.

Ситуация, в которой она постесняется позвонить собственному работнику, показалась забавной, и Геля снова улыбнулась.

Она никогда не строила из себя хозяйку, но никогда об этом и не забывала.

– Я соскучился.

Не ответив, она нажала на кнопку отбоя и бросила телефон в сумку.

Интересно, Слава явится в ресторан один или с женой?

Геля не видела жену любовника с того первого раза, когда они со Славой так хорошо друг друга поняли. Посмотреть было бы любопытно, хотя это Гелю и не красило.

Вадим злился на себя с самого утра, а к вечеру раздражение достигло апогея. Он уже не мог сосредоточиться на работе и с тоской посматривал на часы, ожидая, когда можно будет наконец поехать к Алфёрову.

Несколько раз он порывался набрать номер бывшего друга и отказаться от встречи, но сам себя останавливал. Глупо как-то: сам запросился и сам отказывается!

Та давняя история казалась такой далекой, почти ненастоящей. Сейчас Вадим не понимал, почему всерьез подумал про Алфёрова сразу после нападения. То, что Алфёров мог в него стрелять, Вадим еще допустить мог, но вот с ножом Никита нападать не стал бы точно. Он не уголовник.

На улице быстро темнело. Темнота угнетала, рождала чувство безысходности.

Вадим позвонил теще, убедился, что с Пашей все в порядке. Хотел позвонить Геле, но передумал – слушать укоризненное молчание было тошно.

Он еще немного посидел, прикрыв глаза, и поднялся.

Ну его к черту, Алфёрова этого. Задаст пару вопросов и сразу уйдет.

До кафе Вадим добрался быстро. Вошел, увидел Никиту за столиком в углу зала и уселся напротив. Вдохнул и без всяких предисловий спросил:

– Где ты был в прошлый четверг и в прошлую пятницу?

Посмотреть на бывшего друга пришлось. Друг же рассматривал Вадима с искренним интересом.

– Не твое дело.

Все правильно. Вадим ответил бы так же.

Подошла официантка, положила перед Вадимом меню.

– Мясо какое-нибудь принесите, будьте любезны, – отмахнулся он.

Изучать меню не было сил. Вадим чувствовал такую усталость, словно только что пробежал марафонскую дистанцию. Да и вообще не стоило ничего заказывать. Надо прямо сейчас встать и уйти. Ничего он от Никиты не добьется. Но Вадиму вдруг показалось, будто ему просто больше некуда идти.

Перед Алфёровым стояла кружка пива и сухарики в вазочке. Вадим взял один. Сухарик оказался горячим и аппетитно пах чесноком.

– Что произошло в прошлый четверг и в прошлую пятницу? – неохотно, но серьезно спросил Алфёров.

Потом взял сухарик и отхлебнул пива. Вадим ему позавидовал.

– В четверг на меня напали с ножом. В подъезде. А в пятницу стреляли.

– Стреляли тоже в подъезде?

– Нет, – усмехнулся Вадим. – Стреляли на улице. Из черного внедорожника.

Алфёров откинулся на стуле, посмотрел в потолок и невпопад сказал:

– Надя лечилась в Германии.

Официантка принесла мясо. Оказалось, Никита тоже заказал вырезку и ел, как невольно отметил Вадим, с аппетитом. Сам он с трудом проглотил лишь пару кусочков.

Задавать еще вопросы не имело смысла. Вряд ли Алфёров скажет хоть что-то. Вадим помахал рукой официантке, расплатился и, не попрощавшись, вышел.

На улице потеплело, хотя по-прежнему шел снег. Когда Вадим ехал на встречу, он волновался и не обращал внимания на другие машины. Но сейчас вспомнил и незаметно огляделся.

Опасность надо не замечать, а чувствовать, учил тренер Василич. Собственно, настоящим тренером Василич не был. Просто сосед, бывший спецназовец, который много и серьезно возился с маленьким Вадимом. Впрочем, не с таким уж маленьким. Вадиму было семнадцать, когда Василич исчез.

Он потом долго не мог поверить, что соседа больше нет рядом. Хотя Василич давно обещал отправиться куда-нибудь на чужую войну. Своих войн тогда не было. Контрактников нигде не любят и в плен не берут, равнодушно говорил сосед. Убивать за Родину надо, а не за деньги. Вадим в наемники не собирался и слушал вполуха. Еще в плен не берут летчиков, хмуро учил Василич. Это Вадим понимал – нести смерть, сидя в кабине в недосыгаемости, как-то... неправильно. Впрочем, недосыгаемость относительна. Бывает, и самолеты сбивают.

На что сосед жил, Вадим не представлял. Впрочем, его это не слишком занимало. К соседу приходили какие-то мужики, пили водку и исчезали. Родителям дружба Вадима с Василичем не нравилась, особенно матери. Мать когда-то училась с тренером в одной школе, считала его дураком и уголовником. Ни дураком, ни уголовником Василич не был. Просто несчастный мужик, не нашедший своего места в этой путаной жизни.

Женат сосед никогда не был, детей не имел. Правда, как подозревал Вадим, Василич всегда любил его, Вадима, мать. Никаких доказательств у мальчишки не было, но отчего-то он был в том уверен.

У машины Вадим снова огляделся и снова опасности не почувствовал. Зазнобило. Вадим забрался в машину и включил печку.

Так же осторожно он вошел в подъезд. У двери собственной квартиры немного постоял, прислушиваясь, и только потом достал ключи.

В ванной шумела вода.

– Геля, я пришел! – крикнул Вадим.

Жена вышла через пару минут с тюрбаном из полотенца на голове.

– Вадик, давай спокойно обсудим...

– Геля, не дергай меня сейчас, – попросил он.

– Я тебя дергаю? – печально удивилась Геля.

Он кругом неправ. Он должен ее успокоить, а ему опять захотелось отсюда сбежать.

– Пойдем спать, – вздохнул Вадим. – У меня голова болит.

Он не соврал, голова действительно болела.

Город изменился, и Алфёров никак не мог к этому привыкнуть.

Мимо родительского дома ходили новые трамваи, которые казались ему трогательно неуместными. Наверное, потому, что в эти новые современные трамваи садились старушки с допотопными сумками-тележками. Ни в одной стране мира Никита таких сумок не видел, хотя поездил по свету немало.

По вечерам фасады домов удачно подсвечивались, и Москва становилась совсем незнакомой.

Только люди не менялись. Соотечественников Вадим узнавал в любой части света.

Соотечественников он узнавал, а своим себя рядом с ними не чувствовал. Он и в Штатах своим себя не чувствовал. Ни рядом с тамошними русскими, ни рядом с настоящими американцами.

Он космический странник, случайным образом попавший на чужую планету. Странник, которому эта планета до смерти опостылела.

Вчера он зачем-то позвонил одной из Надиных подружек. Та удивилась и обрадовалась, долго ахала и охала, потом рассказала про свою замечательную жизнь и двоих детей, после чего вспомнила про Вадика Корышева, который Никиту разыскивает. Корышев был Никите неинтересен, равно как и семейная жизнь этой подружки и прочих однокурсников. Еще немного повспоминав бывших друзей, он вежливо попрощался, положил трубку и дал себе зарок больше никогда не возвращаться в прошлое.

Космический странник. И взять с него нечего.

Корышеву он звонить не собирался. И тем более не собирался с ним встречаться.

Но все-таки встретился. Не смог отказаться, после того как провел ночь, погружившись в воспоминания.

Вспоминал об их дружбе «на четверых». О Наде, сумевшей быстро понять Гелину сущность. Сам бы он не заметил, как ловко новая подружка руководит Вадимом. Вадим Наде нравился, а вот Геля сразу не понравилась. «Она всегда будет им командовать!» – сказала тогда Надя. И правда, с самого начала их романа Геля безапелляционным тоном сообщала Вадиму, как и что ему надлежит делать, а он послушно исполнял указания. При этом Геля всегда мило улыбалась и ни с кем никогда не ссорилась.

Никита тогда смеялся. Дразнил Надю злючкой и в шутку защищал «бедную Ангелиночку». Хотя ему не было до Ангелины никакого дела. Ему хотелось обнимать Надю и говорить ей о своей любви. Он еще не знал, что она скоро умрет.

Надино «пророчество» Никита вспомнил, когда Вадим отказался дать ему денег на лечение в Германии. Друг прятал глаза и бормотал что-то о стечении обстоятельств. Мол, рад бы помочь, но никак не может.

Из-за Ангелины, понял Алфёров. Ее работа. Но не разозлился и не расстроился. Деньги тогда помогли собрать родственники – и его, и Надины. Мерзко было оттого, что Вадим сначала сам предложил помощь, сам обещал дать денег, а потом пошел на поводу у милой вежливой Гели.

Никита и сейчас не испытывал никакой ненависти к Вадиму. Просто холодное равнодушие. Он бы и разговаривать с бывшим другом не стал, если бы не забавная девчонка, которая развлекала Никиту весь вечер.

Она вошла в кафе вслед за Вадимом. Замерла у двери, оглядела зал и выбрала столик подальше, за которым тот не смог бы ее увидеть. Уселась и начала глазеть на Никитино бывшего друга. Пару раз встречалась взглядом с Никитой, смущенно отводила глаза, но потом он снова ловил ее взгляд. Следит за ним, подумал Никита.

Девчонка была миленькая, симпатичная, но не из тех, на чью красоту обращает внимание каждый мужчина. Тут Никита некстати вспомнил свою мексиканскую подружку Кармелиту. Вот уж женщина-огонь! Кармелита прекрасно знала и умела использовать свою женскую силу. Алфёров не понимал, почему она выбрала его в постоянные любовники. Спрашивал несколько раз, но Кармелита не отвечала, только смеялась. Это Никита тоже в ней ценил – самому ему редко бывало весело.

Забавная «сыщица» явно была чем-то напугана и казалась несчастной. Хотя костюмчик на ней был не из дешевых, да и стриг девушку умелый парикмахер (таким тонкостям Никиту тоже научила Кармелита).

Когда Вадим встал из-за стола, Никита решил остаться и понаблюдать за развитием событий. Еще раньше он заметил, что таинственная незнакомка расплатилась сразу же, как сделала заказ. Значит, точно следит за Коришевым – не хочет терять время, когда тот выйдет из кафе.

Так и оказалось. Подняв кружевную занавеску, Алфёров наблюдал, как Коришев сел в машину и сразу же уехал. Следом за ним покинула стоянку симпатичная «сыщица». А за ней тронулся черный внедорожник. Эту машину Никита не сразу и заметил, поскольку водитель до последнего не включал фары.

29 ноября, среда

Всю ночь шел дождь. Сильный и надоедливый – Катя даже просыпалась несколько раз. К утру стремительно похолодало и выпал снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.